

женіе законодательства Исаврійцевъ, г. Златоустовъ располагаетъ по такой схемѣ. I. *Общая часть*: 1) о лицахъ или субъектахъ права, 2) о вещахъ, 3) о происхожденіи и прекращеніи права; 4) о примѣненіи правъ и средствахъ пользованія ими. II. *Гражданское право*: 1) личное право; 2) семейственное—; 3) наслѣдственное—; 4) вещное—; 5) обязательственное. III. *Публичное право*: 1) уголовное право; 2) военное—; 3) судебное. Эта часть написана только наполовину: авторъ кончаетъ ее изложеніемъ семейственнаго права. При изложеніи каждого отдѣла авторъ сначала кратко говоритъ о судьбѣ каждого правового института въ до-Исаврійское время, затѣмъ—подробно по Исаврійскому законодательству и, наконецъ, опять кратко въ послѣдующій періодъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается законодательствомъ Македонской династіи. Авторъ здѣсь имѣетъ предъ собою могучаго предшественника въ лицѣ Ц. ф. Лингенталя, но онъ не повторяетъ его работу, а ведетъ ее самостоятельно, значительно дополняетъ и по мѣстамъ исправляетъ. Весь этотъ отдѣлъ написанъ очень зрѣло. Авторъ вездѣ опирается на источники, которые изучены имъ совершенно серьезно. Между прочимъ здѣсь обращаетъ на себя вниманіе языкъ автора. Это языкъ настоящаго юриста: чрезвычайно сжатый, точный, выразительный, красивый. Тутъ сказалось болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, увлеченіе автора своею темой, увлеченіе, заставившее его дисциплинироваться во всѣхъ отношеніяхъ и между прочимъ въ томъ, которое всего труднѣе допускаетъ измѣненіе въ короткое время. Остается пожелать, чтобы это увлеченіе не остывало и заставило автора кончить свою работу. Наиболѣе интересная для насъ часть ея (третья) вся впереди. Авторъ касательно ея даетъ слѣдующее обѣщаніе. Въ ней будетъ сдѣлана попытка синтезировать все добытое путемъ аналитическаго изслѣдованія въ первыхъ двухъ частяхъ. Полученные такимъ образомъ общіе выводы дадутъ возможность опредѣлить, какими принципами руководились Исаврійцы въ своей законодательной дѣятельности. А по оцѣнкѣ этихъ принциповъ можно будетъ указать историческое значеніе Исаврійскаго законодательства. Работа должна закончиться указаніемъ на то, какою стороною, хорошою или дурною, вошла законодательная дѣятельность Исаврійцевъ въ ихъ управленіе имперіей.

То, что сдѣлано авторомъ, даетъ полное право надѣяться, что общеніе это будетъ исполнено.

Все сдѣланное г. Златоустовымъ въ теченіе года даетъ ему право на полученіе степени кандидата богословія, на высшій баллъ и большую похвалу.“

18) Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Иванова Петра* на тему: „Призрѣніе бѣдныхъ, какъ предметъ церковно-административнаго вѣдомства въ древней Руси“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей, подраздѣляющихся каждая на три главы.

Исходнымъ пунктомъ для опредѣленія задачи и плана своего сочиненія авторъ ставитъ близкія взаимныя отношенія, въ какія русская церковная іерархія стала къ государственной власти тотчасъ по признаніи христіанства господствующею религіею и какихъ не прекращала въ теченіи всего допетровскаго періода. Пунктовъ соприкосновенія для такого взаимообщенія между тою и другою было много благодаря неустроенности Русской земли въ разныхъ отношеніяхъ и благодаря тому, что первоначальная іерархія греческая не замкнулась въ тѣсный кругъ собственно-религіозной миссіи, но заняла вліятельное положеніе и въ общемъ государственномъ и земскомъ устроеніи. Но въ особенности широкимъ полемъ для іерархіи представлялось множество пролетаріата, поражаемаго этимъ неустроеніемъ. Постоянныя набѣги полудикихъ племенъ, внутреннія усобицы князей, рабовладѣніе, частые пожары и голода пораждали такое множество нищенства, какое удивляло иностранцевъ. Это призрѣніе нищихъ всецѣло и взяла на себя церковь. Нищіе сразу зарегистрированы были въ вѣдомство церкви и не переставали выходить изъ него до государственнаго преобразованія, введеннаго Петромъ. Почему именно церкви были отданы въ вѣдѣніе дѣла благотворенія и всѣ люди богадѣльные—отвѣтъ простой—по свойству христіанской вѣры. Нищенство отнюдь не разсматривалось, какъ социальное зло или какъ экономическое явленіе: нищему надобно подавать,—вотъ и все: это непререкаемая заповѣдь христіанства. Кому же наиболѣе всѣхъ и нужно заботиться о нищихъ, какъ не служителямъ церкви? Превосходное выясне-

ніе этой идеи древнерусскими духовными писателями сдѣлано авторомъ на стр. 17 и слѣд.

Обширный историко-юридическій матеріалъ авторъ распредѣлилъ по слѣдующей схемѣ.

Такъ какъ въ каждый моментъ времени церковь завѣдовала благотворительностью чрезъ своихъ іерарховъ (митрополиты и епископы), чрезъ монастыри и приходы, такъ какъ, далѣе, въ историческомъ ходѣ общаго церковнаго устройства древней Руси неизбѣжно должно различать два, по крайней мѣрѣ, отдѣльные періода—Кіевскій и Московскій: то все сочиненіе и представляетъ у автора слѣдующую систему:

Часть 1-я, подраздѣляющаяся на три главы. Гл. 1-я—призрѣніе бѣдныхъ русскими іерархами; гл. 2-я—призрѣніе монастырями; гл. 3-я—призрѣніе бѣдныхъ въ приходахъ.

Часть 2-я съ такимъ же подраздѣленіемъ на три главы и съ тѣми же рубриками.

Содержаніе каждой изъ этихъ главъ составляетъ, въ свою очередь, изъ слѣдующихъ элементовъ: а) юридическія данныя, опредѣляющія задачу и кругъ благотворительной дѣятельности названныхъ учреждений, б) средства матеріальнаго обезпеченія этихъ учреждений и в) историческія данныя о дѣйствительномъ призрѣніи бѣдныхъ этими учреждениями (*de jure, de potentia, de facto*).

Сочиненіе представляетъ собою цѣльное, стройное, богатое содержаніемъ цѣлое. Авторъ обнаружилъ очень значительное трудолюбіе въ ознакомленіи съ первоисточниками и литературою своего предмета, о чемъ свидѣлствуетъ не только обширная цитація его на каждой страницѣ сочиненія, но и особенный обзоръ и перечень источниковъ (стр. 30—49). Систематизація автора вполне удовлетворительна и очень удачна; сужденія всегда основательны, языкъ правильный и ясный.

Нахожу сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

19) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *іеромонаха Игнатія (Дверницкаго)* на тему: „Образованіе отцовъ—проповѣдниковъ IV вѣка“:

„Авторъ обширнаго сочиненія въ 576 стр. во введеніи говоритъ о предметѣ, цѣли и объемѣ своего изслѣдованія, дѣлаетъ краткій перечень литературы, бывшей у него въ

распоряженіи, съ краткой критической замѣткой о каждой проштудированной имъ книгѣ (1—56). Въ первой главѣ общаетъ свѣдѣнія о домашнемъ обученіи и воспитаніи отцовъ—проповѣдниковъ (56—168), во второй объ образованіи ихъ въ школахъ (168—301), въ третьей излагаетъ періодъ послѣ—школьной жизни и общественнаго служенія свв. отцовъ (168—301), въ четвертой говоритъ о синтезѣ язычества и христіанства въ твореніяхъ св. отцовъ (301—435), въ заключеніи дѣлаетъ общіе выводы изъ обширнаго матеріала, собраннаго имъ по вопросу объ образованіи свв. отцовъ проповѣдниковъ IV вѣка.

Едва ли мнѣ нужно много говорить о глубокомъ научномъ и жизненно-практическомъ значеніи темы о. Игнатія. Вопросъ объ образованіи проповѣдника имѣлъ громадное значеніе всегда. Въ настоящее же время, время запросовъ живой мысли, неподдѣльнаго чувства, искреннѣйшей вѣры, этотъ вопросъ имѣетъ еще болѣе жгучее значеніе. Давно уже такъ горячо не говорили люди объ отношеніи проповѣди къ живой дѣйствительности, свѣтской литературѣ, искусствамъ и гуманитарнымъ наукамъ и ко всей современной культурѣ, какъ говорятъ теперь. Въ наши дни передъ каждымъ пастыремъ стоитъ день и ночь вопросъ, какъ отнестись ко всѣмъ этимъ запросамъ и требованіямъ общества и культуры. Автору нужно было дать историческую справку по данному вопросу, справку не поверхностную, а вполне научную, обоснованную твердо и рѣшительно непоколебимыми историческими данными. Эта справка, въ наше время, когда многіе настоятельно требуютъ изученія только святоотеческой литературы, думая найти въ ней полное спасеніе отъ колебаній и броженій современной мысли, имѣла бы громадное, рѣшающее значеніе въ рѣшеніи многихъ нашихъ злободневныхъ жгучихъ вопросовъ.

Въ сочиненіи автора мы можемъ найти очень много цѣннаго и интереснаго матеріала по интересующимъ насъ вопросамъ. Св. отцы—проповѣдники, изученіемъ трудовъ которыхъ занимался авторъ, жили въ весьма любопытное время. Это было время объединенія, союза церкви съ государствомъ. Государство начало проникаться многими церковными началами, а церковь не мало заимствовала изъ кодексовъ государственныхъ. Въ области просвѣщенія это было время нан-

высшаго синтеза греко-римской образованности и христіанства. Св. отцы IV вѣка не стѣснялись не только читать и изучать произведенія языческихъ писателей, но и учиться въ языческихъ школахъ. Писанія „внѣшнихъ“ казались имъ „не вовсе отъ нихъ (Св. Писаній) далекими“. Св. отцы не смущались „бесѣдовать и съ стихотворцами, и съ историками, и съ ораторами и со всякимъ человѣкомъ, отъ кого только можетъ быть какая либо польза къ попеченію о душѣ“ (222 стр.). Они говорили: „внѣшнія науки не бесполезны для душъ“, „науки питаютъ душу“. „Займствуя у языческихъ писателей все, что есть полезнаго, надо умѣть иное и отбросить“. Эту мысль св. Василиій Великій весьма удачно подтверждаетъ краснорѣчивыми историческими примѣрами, указывая на Моисея, „который сперва упражнялъ умъ египетскими науками, а потомъ приступилъ къ созерцанію Сущаго“, на Даниила, „который въ Вавилонѣ изучилъ халдейскую мудрость и тогда уже коснулся и божественныхъ уроковъ“ (232 стр.). Св. Григорій Назіанзинъ съ особой похвалою отзывается о тѣхъ, кто въ совершенствѣ овладѣлъ всею полнотою современнаго ему языческаго образованія, считаетъ это даже заслугой съ его стороны, говоритъ сильное слово въ защиту общаго образованія, рѣзко отзывается объ невѣжествѣ тѣхъ, далеко не единичныхъ своихъ современниковъ, которые утверждали, что для христіанъ не нужна и даже опасна внѣшняя (не христіанская) ученость. Изъ за ошибокъ послѣдней нельзя ставить крестъ надъ всей ея совокупностью, отречься совсѣмъ отъ массы положительнаго и цѣннаго въ ней. „Не должно унижать ученость, говоритъ св. отецъ, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые; а напротивъ того надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостатокъ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ“ (234 стр.). Защищая свое основное положеніе, нашъ о. авторъ приводитъ массу прекраснѣйшихъ доказательствъ того, какъ глубоко чтили св. отцы внѣшнее образованіе и какіе глубокіе слѣды оно оставило на ихъ твореніяхъ. Мы не имѣемъ возможности передать этихъ блестящихъ страницъ автора. Скажемъ только о нихъ одно: ему почти вполне удалось доказать то, что онъ старался доказать.

Почти всѣ недостатки сочиненія о. Игнатія я тщательно отмѣтилъ на поляхъ и въ концѣ главъ его труда. Главный же недостатокъ отмѣчу словами самого автора. На 574 стр. онъ пишетъ слѣдующее. „Наше сочиненіе не можетъ быть (въ силу условій времени и компетентности автора) положительнымъ, глубокопродуманнымъ и научно-построеннымъ отвѣтомъ на данный вопросъ. Не можетъ оно быть большой и мастерски исполненной картиной того явленія, которое скрывается въ словахъ темы. Какъ художникъ, прежде чѣмъ создать большую историческую картину, долго и упорно работаетъ надъ частными моментами цѣлаго (напр., знаменитый Ивановъ и его „Явленіе Христа народу“), такъ точно и начинающій гоимлетъ, при первой попыткѣ серьезно высказаться по вопросу объ образованіи отцовъ—проповѣдниковъ IV вѣка, долженъ благоразумно отложить полное и всестороннее рѣшеніе вопроса на грядущее время, а сейчасъ приступить къ разсмотрѣнію многихъ частныхъ вопросовъ, обнимаемыхъ темой, долженъ выработать, такъ сказать, лучший проэктъ будущаго ученаго произведенія. На наше изслѣдованіе именно мы такъ и смотримъ. Оно, въ настоящемъ своемъ видѣ, есть не иное что, какъ подробный, обстоятельный, ученическій проспектъ будущаго, дѣйствительно ученаго трактата и, какъ таковой, имѣетъ всѣ права разсчитывать на снисходительную критику читателя“.

Если авторъ исполнитъ свое обѣщаніе и представитъ на данную тему вполне научную работу, то любая ученая коллегія съ удовольствіемъ присудитъ ему ученую степень магистра богословія и скажетъ ему великое спасибо за его трудъ. А теперь же въ настоящемъ видѣ за разсматриваемое сочиненіе можно дать автору степень только кандидата богословія“.

20) Экстраординарнаго профессора Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Казласа Александра* на тему: „Возрѣнія Декарта, окказіоналистовъ и Спинозы на взаимоотношеніе духа и тѣла, ихъ дальнѣйшее развитіе и значеніе для обоснованія христіанскаго міровозрѣнія“:

„Сочиненіе г. Казласа состоитъ изъ введенія (стр. 1—24) и слѣдующихъ 6 главъ: I, *Картезіанская философія и ея основныя принципы* (стр. 25—98); II, *Декартъ и его ученіе о духѣ и тѣлѣ* (стр. 99—201); III, *Возрѣнія окказіоналистовъ* (стр.

202—298); IV, *Система Бенедикта Спинозы* (стр. 299—352); V, *Развитіе психофизическаго параллелизма* (стр. 353—414); VI, *О научномъ обоснованіи христіанскаго міровоззрѣнія* (стр. 415—430). Уже изъ этого общаго перечня содержанія можно видѣть, что авторъ выполнилъ свою задачу во всемъ объемѣ, какой требовался темой.

Результатъ его работы съ богословской точки зрѣнія сводится къ указанію тѣхъ мыслей картезіанства, спинозизма и новѣйшихъ параллелистическихъ доктринъ, которыя могутъ быть использованы для научнаго обоснованія христіанскаго міровоззрѣнія. Привожу здѣсь главныя положенія собственными словами автора. „Воззрѣнія Декарта, окказионалистовъ и Спинозы на взаимоотношеніе духа и тѣла,—пишетъ г. Каэласъ въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія,—объединяются общей для нихъ параллелистической идеей, которая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи приводитъ мысль къ сознанію необходимости создать такую форму психофизическаго отношенія, которая представляла бы собою гармоническое соединеніе тезисовъ параллелизма и теоріи взаимодѣйствія. Психофизическое единство, лежащее въ основѣ человѣческаго бытія, должно быть понято, какъ непрерывное взаимодѣйствіе носителей духовной и тѣлесной группы явленій, такъ чтобы изъ него и вытекало наблюдаемое соотвѣтствіе или параллелизмъ этихъ явленій. Вотъ конечное данное, къ которому привело философскую мысль историческое развитіе названныхъ воззрѣній, взятыхъ какъ одно цѣлое. Создавая необходимость такого именно рѣшенія психофизической проблемы, эти воззрѣнія дѣлають также и необходимымъ, въ силу указанной связи ея съ общими философскими концепціями, усвоеніе соотвѣтствующаго ему или точнѣе—предполагаемаго имъ общаго философскаго міровоззрѣнія. Эта необходимость сказывается уже и въ настоящее время, привлекая особое вниманіе мыслителей къ философіи Лотце ¹⁾. Защитники теоріи взаимодѣйствія въ настоящее время обычно основываютъ свои сужденія именно на предположеніяхъ философіи Лотце. Вообще можно сказать, что философія Лотце пользуется

¹⁾ Лотце, по словамъ автора, оказывается именно такимъ мыслителемъ, доктрина котораго лучше всего отвѣчаетъ указываемому требованію.

теперь значительнымъ успѣхомъ... Признавая все бытіе тождественнымъ, эта философія не сводитъ однако ни духа на тѣло, подобно матеріализму, ни тѣла на духъ, подобно спиритуализму. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не старается перенести скрытый дуализмъ и на основу бытія, подобно философіи тождества или трансцендентальному монизму. Склоняясь къ монадологіи Лейбница, Лотце видитъ въ духѣ и тѣлѣ человѣка только отдѣльные виды бытія, тождественные по основной своей природѣ... Все это представляетъ, несомнѣнно, извѣстныя данныя для научной концепціи и философскаго обоснованія христіанскихъ идей о бытіи и природѣ человѣка. Главнымъ образомъ этимъ обосновывается какъ общее христіанское міровоззрѣніе, такъ, въ частности, и метафизическія предпосылки его нравственнаго ученія. Въ первомъ отношеніи особенно важна утверждаемая и постулируемая теоріей взаимодѣйствія идея тождества всего бытія. Что же касается нравственнаго ученія христіанства, то для его научнаго обоснованія особенно важно предполагаемое здѣсь реальное различіе духа и тѣла, позволяющее имъ явиться носителями параллельныхъ рядовъ явленій“ (стр. 419—422). Положенія эти иллюстрируются анализомъ христіанскихъ догматовъ о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ, и объ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ, а также евангельскихъ нравственныхъ заповѣдей (стр. 422 и слѣд.). Въ заключеніе провозглашается выводъ, что „ни разумное пониманіе общаго христіанскаго міровоззрѣнія, ни научное обоснованіе его нравственныхъ требованій невозможно безъ правильнаго рѣшенія психофизической проблемы. Отсюда, если начавшееся съ Декарта развитіе параллелистической идеи приближаетъ современную мысль къ правильному пониманію взаимоотношенія духа и тѣла въ человѣкѣ, то этимъ самымъ оно подготавливаетъ и почву для научнаго пониманія и обоснованія какъ частныхъ идей христіанства, такъ и его общаго міровоззрѣнія, даннаго въ откровенныхъ истинахъ“.

По содержанію указанныхъ выводовъ сочиненіе г. Казласа является серьезно задуманной и существенно цѣнной попыткой защитить христіанскую истину не путемъ бесплодной полемики съ отрицательными доктринами, какъ это дѣлаютъ разныя апологетики, потерявшія въ наше время почти всякій кредитъ, а посредствомъ положительнаго фи-

лософскаго міровоззрѣнія, самостоятельно продуманнаго и научно-проработаннаго, — міровоззрѣнія, примыкающаго къ идеямъ крупнѣйшихъ представителей европейской философіи. Такія работы для богословія поистинѣ драгоцѣнны, если только ихъ выполнение соотвѣтствуетъ замыслу.

Послѣднее условіе естественно приводитъ насъ къ вопросу объ *объективно-научномъ* и *философскомъ* достоинствѣ труда г. Каэласа.

Какъ научная *историко-философская* и *философско-критическая* работа, сочиненіе г. Каэласа является трудомъ, заслуживающимъ самой полной похвалы за глубину и серьезность изученія подлежащаго обширнаго матеріала (главнымъ образомъ сочиненій Декарта, окказіоналистовъ и Спинозы, а затѣмъ также Лейбница и новѣйшихъ работниковъ по психофизической проблемѣ), зрѣлость и обоснованность собственныхъ сужденій и полную объективность (безпристрастіе выводовъ).

Обладая хорошимъ знаніемъ новыхъ и древнихъ языковъ, г. Каэласъ безъ труда справился съ подлинными текстами изучавшихся имъ мыслителей и съ литературой о нихъ и имѣлъ возможность не быть подавленнымъ матеріаломъ, а господствовать надъ нимъ. Въ своихъ сужденіяхъ онъ всегда опирается на первоисточники, а къ пособіямъ (литературѣ) относится вполне независимо, хотя и знаетъ ее. Полемики у него почти нѣтъ, — достоинство, рѣдко встрѣчающееся у молодыхъ ученыхъ.

Самостоятельность автора особенно даетъ себя знать въ главахъ, посвященныхъ Декарту и картезіанству. Если здѣсь и можно оспаривать нѣкоторыя толкованія, то, во всякомъ случаѣ, это можно сдѣлать только путемъ новаго и тщательнаго пересмотра затрогиваемыхъ авторомъ данныхъ первоисточника. Понятно, что научное достоинство труда этимъ нисколько не колеблется, а оригинальность должна быть поставлена въ безусловную заслугу.

Объективность автора сказалась рельефно въ постановкѣ вопросовъ, общихъ философіи и богословію. Ни малѣйшей черты теологической предзанятости! Читая его сочиненіе, можно и не подозревать, что сочиненіе пишется на богословскую степень. Тѣмъ цѣннѣе, понятно, указанное выше значеніе его для богословія.

Собственная философская мысль автора производит впечатлѣніе безспорной силы и многообѣщающей продуктивности. Логика у автора крѣпкая и языкъ вездѣ подчиняется мысли.

Въ лицѣ г. Каэласа наша Академія выпускаетъ весьма дѣльнаго научнаго работника, имѣющаго всѣ данныя, чтобы съ честью продолжать служеніе наукъ, которое такъ удачно начато его настоящимъ сочиненіемъ. Само собою понятно, что степени кандидата богословія г. Каэласъ безусловно заслуживаетъ; но я считаю своимъ долгомъ, кромѣ того, рекомендовать его особенному вниманію Совѣта при сужденіи объ оставленіи при Академіи кандидатовъ для подготовленія къ профессорскимъ кафедрѣмъ“.

21) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Лебедева Ивана* на тему: „Значеніе современной свѣтской литературы для пастыря-учителя“:

„Данная тема представляетъ собою не только глубокой теоретическій интересъ, но и глубоко-практическій. Въ дни величайшихъ оживленнѣйшихъ споровъ объ участіи духовенства въ общественной и культурной жизни весьма любопытно слышать правдивое слово объ этомъ. Авторъ взялъ на себя трудъ не фельетоннымъ и не узко-партийнымъ путемъ, а совершенно безпристрастнымъ, объективно-научнымъ выяснитъ важнѣйшій и интереснѣйшій вопросъ объ отношеніи пастыря къ современной литературѣ.

„Обычное, традиціонное отношеніе къ свѣтской литературѣ какъ со стороны лицъ, считающихъ себя истинными послѣдователями ученія Христова, такъ и въ особенности со стороны ихъ руководителей—отрицательное. Свѣтская литература сознанію такихъ людей представляется разсадникомъ атеизма и безнравственности. И благо, если за ней признаютъ право невинной игрушки, забавы. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду художественную литературу... Духовные писатели при разборѣ того или другого произведенія литературы прежде всего стараются отыскать въ немъ такія стороны, которыя не могутъ быть приняты съ христіанской точки зрѣнія. Они заранѣе видятъ въ немъ врага себѣ, религіи и нравственности. Мы не утверждаемъ этого безусловно о всѣхъ писателяхъ и критикахъ. Но что въ большинствѣ случаевъ это такъ, этого отрицать нельзя.

Конечно, ревность о томъ, чтобы не загрязнился чистый источникъ Христова ученія, чтобы не погасли свѣтлыя идеалы евангельской нравственности—заслуживаетъ всякаго одобренія. Однако нужно помнить и притчу Спасителя о плевелахъ и совѣтъ Его, какъ бы вмѣстѣ съ ними не вырвать и пшеницы. Таково должно быть и отношеніе духовныхъ писателей къ свѣтской литературѣ. Они должны опасаться, какъ бы своимъ безусловно отрицательнымъ отношеніемъ къ ней не погубить то добро, которое есть въ ней, которымъ даже полна она... Ихъ обязанность указать и ея свѣтлыя стороны. Будучи отраженіемъ поисковъ человѣка за идеалами правды и добра, литература здѣсь является союзницей церковныхъ учителей. Въ ней каждый найдетъ много свѣта, добра, правды, слезъ и страданій лучшихъ человѣческихъ.

Литература открываетъ пастырю всю душу современнаго человѣка. Въ ней онъ прочитаетъ и объ его радостяхъ и объ его скорбяхъ, о его паденіяхъ и возстаніяхъ. Здѣсь предъ нимъ пройдетъ картина его общественныхъ, религіозныхъ, семейныхъ и культурныхъ чаяній. Словомъ, здѣсь предъ пастыремъ вся громадная скала души человѣка съ безчисленными подраздѣленіями. Здѣсь все отражается какъ въ фокусѣ. И самое неуловимое, самое сокровенное души человѣческой, самая архитектоника души становится явной и понятной.

Даже и отрицательная сторона современной литературы имѣетъ для пастыря громадное значеніе. Какъ для доктора, который не имѣетъ возможности знать болѣзни своего пациента, немислимо его лѣченіе,—и священнику, пастырю душъ и совѣстей человѣческихъ, нельзя врачевать другихъ, не зная ихъ болѣзни, ихъ ошибокъ, паденій и заблужденій.

Въ службѣ Царству Божію, царству свѣта и добра, литература занимаетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Она расширяетъ наши знанія о людяхъ и о жизни, открываетъ и бичуетъ недостатки обществъ и времени, въ яркихъ краскахъ изображаетъ неисчислимыя страданія людскія и зло жизни въ разнообразныхъ его проявленіяхъ, увеличиваетъ въ насъ пониманіе людского горя и способность сочувствія, любовь къ ближнему. Литература служитъ легкимъ и могуществен-

нѣйшимъ проводникомъ въ обществѣ научно-философскихъ и религіозныхъ идей, и не только идей, но и настроеній и чувствъ, оплодотворяющихъ творчество писателей-художниковъ. Она въ одно и тоже время служитъ и выразительницею, и руководительницею, и воспитательницею общества и общественнаго мнѣнія. Все это дѣлаетъ литературу великою нравственно-воспитательною и общественною силою. Такою силою литература была и не перестанетъ быть въ особенности, по историческимъ условіямъ, въ жизни русскаго народа. Работа русскаго слова такова, что ея не можетъ не благословить церковь, жаждущая царства Божія на землѣ. Счастливое соединеніе реализма съ идеализмомъ, стремленіе изображать жизнь и дѣйствительность въ свѣтѣ высшихъ идеаловъ и евангельскихъ началъ правды и любви къ ближнему, коротко—религіозно-этический идеализмъ—вотъ отличительная народная черта нашей литературы, создавшая ей небывалое вліяніе, вниманіе и почетнѣйшее положеніе во всемірной литературѣ. Общимъ голосомъ народовъ русская литература признана великою нравственною силою, отъ которой многіе ждутъ возрожденія западной литературы, погрязшей въ натурализмъ и матеріализмъ. Ее называютъ проповѣдію Евангелія „жалости“, даже „евангеліемъ жалости“... Главный и почти исключительный интересъ русскихъ писателей сосредоточивается на внутреннемъ смыслѣ явленій жизни; отъ этихъ преходящихъ явленій жизни они поднимаются къ ихъ внутреннему значенію. Исканіе Бога, правды, разгадки тайнъ бытія проходитъ красною нитью чрезъ творчество писателей, какъ говорятъ, даже „невѣрующихъ“. Все это сообщаетъ произведеніямъ русскаго слова печать глубокой нравственной серьезности, философской вдумчивости, даже религіозности“ (стр. 24 и сл.).

Авторъ говоритъ, и совершенно справедливо, что взглядъ на литературу, высказанный имъ,—взглядъ не новый. „Отрицательное отношеніе къ литературѣ свѣтскихъ лицъ, считающихъ себя истинными послѣдователями Христа, не оправдывается исторіей церкви. Мы могли бы подробно остановиться на первыхъ вѣкахъ христіанства, давшихъ столько яркихъ примѣровъ сознанія пользы и необходимости для христіанина вообще, а тѣмъ болѣе для пастыря, изученія свѣтской литературы, свѣтской образованности. Мы могли

бы указать на отцовъ и учителей церкви, воспитавшихся въ языческихъ школахъ и смѣло заявлявшихъ о своемъ убѣжденіи, что и въ язычествѣ дѣйствовалъ Логосъ. Но вѣдь это значить повторять всѣмъ извѣстное“. Авторъ далѣе подтверждаетъ свою мысль прекрасными выдержками изъ твореній отцовъ восточной и западной церкви (29 стр. и слѣд.).

Свой взглядъ на значеніе современной литературы для пастыря-учителя авторъ далѣе раскрываетъ, уясняетъ и доказываетъ самымъ блистательнѣйшимъ образомъ, подвергая подробному анализу произведенія современныхъ писателей. Изъ неравной борьбы съ своими противниками, отрицательно относящимися къ свѣтской литературѣ, авторъ выходитъ полнымъ побѣдителемъ. При всемъ желаніи указать недостатки въ его сочиненіи, существенныхъ недостатковъ указать не могу. Все главное имъ сдѣлано и сдѣлано вполне серьезно, основательно, вдумчиво, научно. Богатая душа автора чудно отразилась въ каждомъ штрихѣ этого цѣннаго труда. Это не компилятивный трудъ, гдѣ всѣ страницы заполнены натащенными отовсюду цитатами, безъ живой мысли, безъ искорки оригинальности и вдумчиваго отношенія къ дѣлу. Здѣсь все глубоко продумано, пережито, перечувствовано и является результатомъ упорной многолѣтней думы, завершеніемъ міросозерцанія, послѣднимъ словомъ юноши, заканчивающаго свое образованіе и почти свой ростъ умственный и нравственный. Словомъ, мнѣ немного приходилось на своемъ вѣку читать подобныхъ сочиненій.

Настоятельно совѣтую автору довести свою работу до конца. За нее ему можно вполне присудить ученую степень магистра богословія. Если же бы почему либо онъ не имѣлъ возможности сдѣлать этого, совѣтую ему значительную часть своего сочиненія напечатать. Подобныхъ живыхъ словъ у насъ въ нашей бѣдной гомилетической литературѣ почти совсѣмъ нѣтъ.

Автора признаю заслужившимъ степень кандидата богословія вполне“.

22) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Левитова Василя* на тему: „Общечеловѣческое и національное съ христіанской точки зрѣнія“:

„Сравнительно небольшое (196 стр.), но продуманное и

достаточно содержательное сочиненіе, проникнутое, притомъ, высоко-гуманною мыслью, гармонично синтетизированное съ началами христіанства.

Составъ своего сочиненія и развитія въ немъ основныя мысли самъ авторъ ясно намѣчаетъ въ предисловіи, при мотивировкѣ плана, и именно такъ:

„Національное не есть что-нибудь нравственно-незаконное, подлежащее уничтоженію. Оно имѣетъ наравнѣ съ общечеловѣческимъ всѣ права на существованіе (Гл. 1-ая. Общечеловѣческое и національное съ нравственной точки зрѣнія). Общечеловѣческія и національныя задачи имѣютъ одинаково важное значеніе; но онѣ не исключаютъ другъ друга, напротивъ, могутъ быть достигнуты только подъ условіемъ своего взаимнаго существованія и связи (Гл. 2-ая. Общечеловѣческая и національная задача. Отношеніе между ними). Каждая нація способствуетъ человѣчеству въ достиженіи его цѣлей. Въ частности и Россія. Для того, чтобы подвинуть человѣчество впередъ, она должна развить свою національную жизнь (Гл. 3-ья. Національныя задачи Россіи въ ея стремленіи къ общечеловѣческому идеалу). Для того, чтобы правильно развились всѣ національныя особенности народа, должна быть предоставлена возможная свобода каждому члену его въ раскрытіи своихъ силъ. Только въ такомъ случаѣ народъ можетъ обогатить собою человѣчество (Гл. 4-я. Условія правильнаго національнаго развитія). А развитіе національнаго въ высшей степени важно и съ христіанской точки зрѣнія, потому что національное не есть что-либо временное, подлежащее уничтоженію. Оно вѣчно такъ же, какъ и общечеловѣческое. (Гл. 5-я. Высшій смыслъ національнаго съ христіанской точки зрѣнія)“.

Какъ видимъ, сфера темы исчерпана достаточно и въ основу отдѣльных главъ положены мысли основательныя. Конечно, авторъ не дѣлаетъ какихъ-либо открытій и вообще,—это главный недостатокъ его сочиненія,—въ изложеніи предмета довольно элементаренъ. Но за то онъ совсѣмъ и не притязателенъ.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе выполнѣ удовлетворительно“.

23) Заслуженнаго ординарнаго профессора Наколая Заозерскаго о сочиненіи студента *Нежданова Алексѣя* на тему:

„Отношеніе церковно-правительственной власти къ инославнымъ исповѣданіямъ и сектантамъ со времени учрежденія Св. Синода“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія, трехъ главъ и послѣ- словія.

Указавъ на современный интересъ взятаго для сочиненія вопроса и на высказываемыя въ печати разнообразныя рѣшенія его, авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что для правильности рѣшенія его всего надежнѣе избрать историческій методъ—прослѣдить, къ чему приводили въ дѣйствительности тѣ или другія мѣры со стороны государственной политики въ ея отношеніяхъ къ инославнымъ исповѣданіямъ и сектантамъ. Что же говоритъ исторія?—Съ перваго періода нашего политическаго бытія и всегда потомъ „церковь и государство составляютъ два жизненныхъ порядка, находящіеся между собою въ органическомъ взаимодействіи“ (VII); „въ единомъ русскомъ государствѣ единая истинная православная вѣра“. Этотъ союзъ, однако же, въ послѣдствіи времени, превратился въ отношеніе подчиненія одного порядка другимъ: государственная власть подчинила церковную и стала смотрѣть на нее и пользоваться ею какъ своимъ орудіемъ для цѣлей политическихъ. Послѣдствіемъ такого склада отношеній между церковью и государствомъ у насъ явилась въ отношеніи къ иновѣрцамъ и раскольникамъ нетерпимость не только религіозная, но и политическая. Такъ было въ древней Руси. Со второй половины XVII вѣка начинается въ государственной политикѣ начало терпимости, которое затѣмъ и начинается послѣдовательно развиваться шире и глубже.

Рѣшительный и дов. крутой поворотъ нашей политики въ сторону начала вѣротерпимости начался съ Петра I. Изъ всѣхъ инославныхъ христіанъ наибольшими симпатіями Петра пользовались лютеране. Имъ было предоставлено право свободно отправлять богослуженіе и вступать въ браки съ православными; затѣмъ такая же благосклонность была оказана Армяно-Грегорианамъ и, наконецъ, Римскимъ католикамъ. Ихъ положеніе какъ признанныхъ исповѣданій въ государствѣ точно опредѣлено въ общемъ сводѣ законовъ, которое сжато и обстоятельно и даетъ авторъ во 2-ой главѣ (35—106).

Третья глава (107—215) излагаетъ примѣненіе принципа

въротерпимости нашимъ законодательствомъ въ отношеніи къ природнымъ русскимъ сектантамъ и раскольникамъ. Общій характеръ этого примѣненія составляетъ *ограниченіе* этого принципа и ограниченіе довольно сильное и несправедливое по сравненію съ примѣненіемъ его въ отношеніи къ инославнымъ христіанамъ. Эта мысль обстоятельно и основательно раскрывается въ третьей главѣ. Затѣмъ, въ видѣ приложенія къ ней, авторъ помѣщаетъ особый трактатъ о свободѣ совѣсти вообще. Здѣсь онъ раскрываетъ ученіе объ этомъ предметѣ древнехристіанской литературы (Тертуліанъ, Иларій, Златоустъ) и благотворность этого принципа для самого государства. Привѣтствіемъ новаго закона (17 апр. 1905 г.), признаваго во всей силѣ этотъ принципъ, авторъ и оканчиваетъ свой трактатъ.

Въ послѣсловіи (232 — 241) авторъ высказываетъ свой взглядъ на каноническое достоинство старообрядческой австрійской іерархіи и іерархіи инославныхъ исповѣданій.

Сочиненіе представляетъ оконченное обработанное цѣлое, обнимающее сполна избранный предметъ изслѣдованія. Сужденія автора основательны, изложеніе спокойное, ровное; у автора не замѣтно хвастливаго желанія блеснуть обширною начитанностью, но видно, что онъ усвоилъ капитальныя сочиненія по данному вопросу и выработалъ свое рѣшеніе его продуманно и основательно.

Признаю вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

24) Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Неутріевскаго Ивана* на тему: „Дисциплинарныя наказанія въ древне-русской церкви“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и трѣхъ главъ. Во введеніи авторъ выясняетъ основанія наказующей власти церкви, именно а) теоретическія: какъ и всякое общество, церковь, будучи религіозно-нравственнымъ союзомъ, имѣя свои правила дисциплины и порядокъ, необходимо должна предполагать нарушеніе ихъ, а обычное средство возстановленія нарушеннаго порядка есть наказаніе,—и б) положительныя, указанныя въ заповѣди Христа и постановленіяхъ Ап. Павла; указываетъ далѣе особенныя цѣли, преслѣдуемыя ц. наказаніями, именно: исправленіе согрѣшившаго, благо и честь цѣлой церкви (1—30).

Глава 1-я имѣетъ своимъ предметомъ опредѣленіе про-

странства судебной власти собственно русской церкви. Необходимость введенія этого предмета въ сочиненіе оправдывается тѣмъ, что русской іерархіи со введенія христіанства въ Россіи и въ послѣдующіе періоды исторіи предоставлена была очень широкая юрисдикція, обладая которою іерархи уже не могли ограничиваться въ примѣненіи своей наказующей власти только средствами нравственнаго воздѣйствія, но по необходимости д. были примѣнять въ нѣкоторой мѣрѣ и средства уголовнаго возмездія. Поэтому авторъ въ 1-й главѣ подробно разсматриваетъ кругъ лицъ, отведенныхъ въ подсудность русской іерархіи великокняжескими уставами и другими законодательными памятниками, а во 2-й главѣ обстоятельно выясняетъ источники, которыми руководилась русская церковно-судебная власть въ практическомъ примѣненіи наказаній исправительныхъ и карательныхъ. Сюда относятся: византійскіе—номоканы общій и покаянный, и національно-русскіе—обычное право, выработавшееся въ практикѣ гражданскихъ судовъ, государственныхъ и вотчинныхъ (стр. 31—73; 74—106).

Глава 3-я представляетъ историческій обзоръ отдѣльных видовъ церковныхъ наказаній, каковы суть; денежные взысканія, тѣлесныя наказанія, церковное покаяніе, монастырское подначальство, отлученіе и анафема, лишеніе сана, временное запрещеніе и лишеніе должности (107—260).

Сочиненіе представляетъ собою вполне законченное и обработанное цѣлое. Авторъ достаточно ознакомился съ существующими пособіями и постарался представить связное историко-философское изслѣдованіе даннаго предмета. Признаю сочиненіе удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

25) Исправляющаго должность доцента Сергія Смирнова о сочиненіи студента *Никитскаго Владимира* на тему: „Благотворительная дѣятельность Троицкой Лавры въ прежнее время“:

„Давая г. Никитскому эту тему, мы имѣли въ виду, что онъ воспользуется лаврскимъ архивомъ и напишетъ обстоятельный очеркъ о томъ, какъ въ продолженіе пяти столѣтій обитель преподобнаго Сергія исполняла его заповѣдь о благодѣтельности. Къ сожалѣнію архивъ лавры оказался недоступнымъ для г. Никитскаго: ему было отказано въ пользованіи

не только дѣлами архива, но даже и описаніемъ (Введение, стр. XVI). Поэтому не по винѣ самого автора сочиненіе его является не тѣмъ, чѣмъ бы должно быть. Не смотря на это, трудъ его представляетъ собою и значительный интересъ и безспорныя достоинства. Раздѣливъ исторію лаврской благотворительности на два періода—до Петра и послѣ его, авторъ по доступнымъ ему источникамъ, изданнымъ и рукописнымъ, и при помощи обширной литературы детально разсматриваетъ свой вопросъ, хотя, слѣдуетъ оговориться, не со всѣхъ сторонъ. Онъ приводитъ положеніе, что благотворительная дѣятельность общежительнаго монастыря органически связана съ уставомъ и держится до тѣхъ поръ, пока точно соблюдается онъ, но не провѣряетъ этого положенія на примѣрѣ лавры, на исторіи ея благотворительности. Другой примѣръ. Толкуя о богадѣльняхъ лаврскихъ въ древнее и старое время, авторъ не задается вопросомъ о томъ, питала ли лавра своихъ богадѣленныхъ людей (вела ли при богадѣльняхъ хозяйство) и одѣвала ли ихъ, или же давала отъ себя одно помѣщеніе, предоставляя пищимъ и больнымъ содержаться собираемой милостыней. Если древне-русскую богадѣльню онъ представляетъ по образцу теперешней, то конечно ошибается. И вообще, надо сказать, отношенія монастыря къ своимъ благотворительнымъ учрежденіямъ не достаточно ясны по сочиненію г. Никитскаго. Однако возможно, что главная причина этого пробѣла лежитъ въ томъ, за что мы не въ правѣ судить автора,—въ томъ, что онъ не видалъ архива лавры. Встрѣчаются, впрочемъ, у него и прямыя ошибки. Напримѣръ „дѣтенышей“—особый видъ монастырскихъ холоповъ—онъ почему то считаетъ дѣтьми, которыхъ призрѣвала лавра. Авторъ разсмотрѣлъ и рассказалъ исторію лаврской благотворительности отъ дней преп. Сергія до нашего времени. Ему особенно удалось цѣлостно и живо описать благотворительную дѣятельность лавры въ Смутное время, — подвиги челоуѣколюбія преп. Діонисія Зобнинскаго, этого друга измученнаго смутой народа, сердобольнаго инокъ, при одномъ воспоминаніи о которомъ пропадаютъ всякія колебанія въ пониманіи монашескаго идеала.

Въ общемъ сочиненіе г. Никитскаго можно признать очень хорошимъ“.

26) Ординарнаго профессора Сергія Глаголева о сочине-

ни студента *Никольскаго Александра* на тему: „Религіозныя воззрѣнія М. Мюллера“:

„Сочиненіе г. Никольскаго состоитъ изъ введенія и шести главъ (279 стр.). Во введеніи авторъ стремится выяснитъ, что М. Мюллеръ не слѣдовалъ неизмѣнно всю жизнь однимъ и тѣмъ же воззрѣніемъ, онъ различаетъ два періода въ его дѣятельности. Въ первый М. Мюллеръ религію Библіи, религію Авраама трактовалъ, какъ специфически откровенную, которая не затемнилась и не осложнилась мифами, во второй періодъ онъ отступилъ отъ своего первоначальнаго взгляда и всѣ религіи всецѣло трактовалъ какъ естественныя. Въ первой главѣ г. Никольскій излагаетъ эмпирическое ученіе М. Мюллера о происхожденіи религіи (изъ ощущеній), во второй даетъ ученіе Мюллера о существѣ религіи, какъ воспріятіи безконечнаго, вліяющемъ морально на нравственный характеръ человѣка. Въ третьей, четвертой и пятой главахъ авторъ излагаетъ воззрѣнія М. Мюллера на Бога, человѣка (душу) и ихъ взаимныя отношенія. Богъ,—это—безконечная основа міра, душа человѣка въ своемъ существѣ, его самость есть неизмѣнное и совершенно отличное отъ индивидуальнаго содержанія его „я“, эта самость божественна и ея отношенія къ Богу въ идеалѣ разрѣшаются констатированіемъ ихъ единства. Съ точки зрѣнія М. Мюллера христіанская религія есть идеальная, потому что въ ней утверждается единство человѣка съ Богомъ. Богъ сталъ человѣкомъ, чтобы человѣкъ сталъ Богомъ. Что совершилось во Христѣ, то должно совершиться въ каждомъ. Богъ — Отецъ—общая основа міра, скрывающаяся за явленіями, открывается въ Сынѣ Божіемъ и чрезъ Духа Святаго производитъ въ людяхъ сознаніе ихъ божественности. Послѣдняя (VI) глава посвящена г. Никольскимъ изложенію взглядовъ М. Мюллера на мифы, какъ патологическій приростъ религіи, возникающій на ея основѣ и на культѣ, какъ на рядъ обычаевъ, получившихъ религіозное освященіе вслѣдствіе ихъ первоначальной житейской важности, но не заключавшихъ въ себѣ первоначально ничего религіознаго. То и другое, по Мюллеру, паразитическіе придатки въ религіи.

Изложеніе взглядовъ М. Мюллера въ каждой главѣ г. Никольскій сопровождаетъ критическимъ разборомъ. Его кри-

тическія замѣчанія въ общемъ отличаются ясностью, сжатостію и основательностію.

Все сочиненіе его написано живымъ и легкимъ языкомъ и читается съ интересомъ.

Формальнымъ недостаткомъ сочиненія является то, что изложеніе и критика не раздѣлены между собою и не обособлены. Не кончилъ М. Мюллеръ, начинаетъ говорить г. Никольскій, въ слѣдующей главѣ опять говоритъ М. Мюллеръ, по понятной причинѣ игнорируя возраженія г. Никольскаго, затѣмъ онъ опять прерывается авторомъ нашего сочиненія и такъ въ каждой главѣ. Вслѣдствіе этого ни М. Мюллеръ не выступаетъ въ полномъ видѣ, ни его критикъ. Но должно оговориться въ защиту нашего автора, что если бы онъ поступилъ иначе и сначала далъ бы исключительно трактатъ о Мюллерѣ, а потомъ уже разборъ его воззрѣній, то ему несомнѣнно пришлось бы повторяться, воспроизводить при разборѣ ранѣ установленныя положенія и аргументацію М. Мюллера. Г. Никольскій повидимому заботился о краткости.

Во всякомъ случаѣ это — только форма. Недостаткомъ сочиненія по существу является то, что г. Никольскій только судитъ М. Мюллера, правда, судитъ объективно, не только оспаривая, но и воздавая должную дань положительной сторонѣ его работъ: но г. Никольскій не дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи того, что теперь вообще поставляется главною задачею относительно философовъ — не выясняетъ его. Какъ понять происхожденіе взглядовъ М. Мюллера? Его религіозная философія отличается своеобразнымъ характеромъ. Что породило эту своеобразность? Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно. Религіозная философія М. Мюллера есть древне-индійская философія упанишадъ въ освѣщеніи ученаго второй половины XIX вѣка. М. Мюллеръ говоритъ о 'семицахъ, апеллируетъ къ религіямъ всего земного шара, истолковываетъ миѳы Греціи, но на самомъ дѣлѣ онъ своими воззрѣніями всецѣло прикованъ къ почвѣ Индіи и тамъ, гдѣ его воззрѣнія представляются неясными или недосказанными, нужно обращаться къ индійской философіи и въ большинствѣ случаевъ въ ней окажется досказаннымъ то, чего не договорилъ европейскій профессоръ. Нѣкоторые критическія замѣчанія М. Мюллера повидимому имѣютъ своимъ источникомъ недоговоренность у М. Мюллера, легко восполняемую индійскими

ученіями. Такъ г. Никольскій довольно рѣшительно критикуетъ теорію Кармы. Но эта теорія содержитъ въ себѣ много истиннаго и съ христіанской точки зрѣнія. Карма есть ученіе о нравственномъ міропорядкѣ, согласно которому міръ устроенъ такъ, что злыя и добрыя дѣянія сами себѣ порождаютъ возмездіе. Уловить факты этого возмездія, тѣмъ болѣе установить ихъ постоянство, конечно, трудно, но нельзя и доказать, что такого возмездія не существуетъ, можно приводить не мало оснований въ его пользу, и теорія такого нравственнаго міропорядка развита независимо отъ индійской философіи у Фихте старшаго.

Въ самомъ изложеніи взглядовъ М. Мюллера авторъ недостаточно выяснилъ его теорію болѣзни языка. Въ оцѣнкѣ М. Мюллера онъ слишкомъ высоко ставитъ его, какъ истолкователя мифовъ. М. Мюллеромъ была развита до крайности солярная теорія, она вообще не принимается теперь учеными.

Но положительными качествами сочиненія г. Никольскаго совершенно заслоняются его отрицательныя стороны. Въ сочиненіи виденъ интересъ къ занятіямъ, обнаружено знаніе новыхъ языковъ, способность къ критическому анализу и выдержана на предметъ религіи правильно религіозная точка зрѣнія.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне удовлетворительно“.

27) Инспектора Академіи Архимандрита Іосифа о сочиненіи студента *Никольскаго Павла* на тему: „Ассиро-Вавилонскіе памятники въ ихъ значеніи для Библейской исторіи“:

„Трудъ г. Никольскаго состоитъ изъ введенія и двухъ частей съ заключеніями.

Во введеніи (I—XXXII) авторъ даетъ краткій, но довольно обстоятельный очеркъ исторіи открытія и дешифровки клинообразнаго письма, намѣчаетъ задачу и предѣлы изслѣдованія и указываетъ многочисленныя пособія для своей работы. Общая задача его труда состояла въ томъ, чтобы использовать обширный матеріалъ месопотамскихъ раскопокъ въ спеціальномъ отношеніи его къ Библейской исторіи, вѣрованіямъ и сказаніямъ, заключающимся въ Библии.

Задачею I части (1—189 стр.) ставится опредѣленіе того значенія, какое имѣютъ клинообразныя лѣтописи Ассиро-Вавилонскихъ царей для политической исторіи Еврейскаго

народа. Во II части (189—529 стр.) авторъ старается опредѣлить, въ какомъ отношеніи стоятъ Ассиро-Вавилонскіе памятники о первобытныхъ временахъ міра и человѣчества къ параллельнымъ имъ первобытнымъ библейскимъ сказаніямъ, присовокупляя сюда и вопросъ о послѣднемъ напущеніи открытомя памятники—законахъ царя Гаммураби—въ ихъ отношеніи къ законодательству Моисея.

Первая часть труда привела автора къ тому заключенію, что Ассиро-Вавилонскія лѣтописи, взятая въ своей совокупности, какъ нельзя лучше подтверждаютъ истинность теоріи общей достовѣрности историческихъ книгъ Ветхаго Завета. Правда, далеко не всѣ библейскія показанія могутъ быть провѣрены научными данными Ассиро-Вавилонскихъ открытій; при всемъ томъ уже самый фактъ, что истинность весьма многихъ библейскихъ показаній оказалась неподлежащею сомнѣнію, даетъ полное право заключать безъ большого риска, что и остальные историческія библейскія показанія отличаются характеромъ безусловной достовѣрности. Громадная важность открытій въ ихъ цѣломъ составѣ устраняетъ въ данномъ случаѣ всякій скептицизмъ, потому что „не простой одинокій монументъ всталъ изъ забвенія, на которое осужденъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, но поднялись изъ подъ 1000-лѣтнихъ развалинъ цѣлыя государства со своими городами, храмами, дворцами и памятниками въ такой сохранности, что, по найденнымъ многочисленнымъ остаткамъ, можно составить исторію Ассиро-Вавилоніи и описать нравы и обычаи древнѣйшихъ въ свѣтѣ монархій. Проливая свѣтъ на многія мѣста Св. Писанія, до толѣ непонятныя, подтверждая вообще историческую точность и достовѣрность разсказовъ свящ. писателей-историковъ, открытія Ассириологовъ нерѣдко даже пополняютъ библейскихъ историковъ, вкладывая совершенно новые, раньше неизвѣстные листы въ Библейскую политическую исторію Еврейскаго народа“.

Но этимъ значеніемъ не исчерпывается вся важность Ассиро-Вавилонскихъ открытій. Вторая часть труда автора не менѣе важное значеніе послѣднихъ устанавливаетъ въ ихъ отношеніи къ соотвѣтствующимъ библейскимъ истинамъ вѣро-и правоученія. Эта часть труда носитъ по преимуществу апологетическій характеръ. Какъ извѣстно, ученый міръ.

обсуждая массу выдвинутых послѣдними открытіями вопросовъ, раздѣлился въ вопросѣ объ отношеніи Вавилонскихъ памятниковъ къ Библии на два совершенно противоположныхъ лагеря. Выдвинулся цѣлый рядъ типичнѣйшихъ представителей нѣмецкаго раціонализма (Фр. Деличъ, Реймарусъ, Винклеръ, Циммернъ и мн. др.), въ духѣ Велльгаузена, открывающихъ въ новѣйшихъ памятникахъ очевиднѣйшія данныя за вѣрность своихъ т. наз. *панвавилонскихъ* взглядовъ, усматривающихъ въ поразительномъ сходствѣ библейскихъ сказаній изъ первобытной исторіи человечества съ мифологіей древнихъ Тигро-Евфратскихъ народовъ явный фактъ не только просто культурной, но и вѣро-направоучительной зависимости Евреевъ со всею ихъ священной литературою отъ Вавилона. Охладить этотъ пылъ ученаго увлеченія, ввести его въ нормальныя границы, указать возможнѣе-истинное отношеніе Вавилонскихъ сказаній къ Библейской первобытной исторіи—составляетъ предметъ дѣятельности и величайшей заслуги другого лагеря ученыхъ, ортодоксально-апологетическаго направленія. Труды этихъ послѣднихъ, давшія достаточно-сильный противовѣсъ первымъ, показали, что въ громадномъ большинствѣ обследованныхъ случаевъ генетическая связь между древне-израильскими религіозными представленіями и таковыми же Вавилонскими открываемая раціоналистами во главѣ съ Деличемъ, оказывается мнимою и вообще чрезмѣрно натянутою, лишенною научной очевидности, которая бы не допускала вовсе оспариванія, и не чужда всѣхъ недостатковъ простой научной гипотезы-догадки. Выражаясь проще, характеристикю большинства подобнаго рода гипотезъ-догадокъ, безъ особеннаго преувеличенія въ сторону иронической гиперболы, можетъ служить характеристика, сдѣланная проф. Оппертомъ въ заключеніе его критическаго отзыва относительно сужденій о мнимо-вавилонскомъ происхожденіи еврейской субботы: „доказательство вавилонскаго происхожденія Израильской культуры покоится на такомъ силлогизмѣ: мы можемъ представить доказательства, что Вавилоняне имѣли носъ на лицѣ; Іудеи такъ же имѣютъ нѣчто подобное; слѣдовательно, носъ Іудеевъ вавилонскаго происхожденія“. Эта самая характеристика достаточно подходит и къ большинству сближеній Делича и К^о., дѣлающихъ для нихъ несомнѣнною будто

бы самую тѣсную зависимость „Bibel“ отъ „Babel“. Эта характеристика, при томъ значеніи, какое признають за Ассииро-Вавилонскими памятниками сами такъ характеризуемые, получаетъ особенный вѣсъ и силу, въ качествѣ блестящаго подтвержденія историческаго характера свящ. источниковъ Библейской исторіи. Извѣстно, что одинъ изъ знатоковъ восточной древности склоненъ былъ все прочтеніе клинообразныхъ надписей признать даже *ошибочнымъ*—на томъ только основаніи, что ученые такъ безконечно много вычитали изъ нихъ совершенно согласнаго съ *Ветхимъ Заветомъ*. Говоря въ очевидную пользу священныхъ источниковъ Ветхаго Завета, это откровенное заявленіе противниковъ исторической самобытности и достовѣрности Библіи показываетъ, съ другой стороны, на какихъ въ сущности слабыхъ и ничтожныхъ основаніяхъ зиждется ихъ мнимо-научная смѣлость и упорство въ попыткахъ къ развѣнчанію авторитета Библии.

Во второй части труда г. Никольскаго это становится достаточно очевиднымъ при надлежащей обоснованности и серьезности, что надлежитъ поставить въ особую заслугу автору. Онъ не голословно, а достаточно научно и обстоятельно воплотилъ своимъ сочиненіемъ мысль, приводимую въ заключеніи ко II части труда: „не смотря на весь скептицизмъ, съ которымъ многіе относятся не къ отдѣльнымъ только сообщеніямъ Ветхозавѣтныхъ писаній, но часто и ко всему составу ихъ, замѣчательное согласіе Ветхаго Завета съ клинообразными надписями должно быть признано и все болѣе и болѣе должно вразумлять многихъ, что книги Ветхаго Завета, служація главнымъ источникомъ Библейской исторіи, по меньшей мѣрѣ заслуживаютъ такого же довѣрія, съ какимъ охотно относятся къ другимъ историческимъ источникамъ, которые и въ древности и достовѣрности Ветхозавѣтнымъ писаніямъ часто уступаютъ, потому что неопровержимо подтверждается результатами Месопотамскихъ раскопокъ достовѣрность даже и тѣхъ Библейскихъ свидѣтельствъ, которыя касаются первыхъ временъ жизни древняго человѣчества и достовѣрность которыхъ особенно старалась поколебать критика отрицательнаго направленія“.

Не въ качествѣ важныхъ недостатковъ, а просто изъ желанія дать добрый совѣтъ (на случай продолженія работы)—мы добавимъ къ сказанному лишь слѣдующее: хорошо бы

автору во введеніи побольше удѣлить вниманія описанію самыхъ памятниковъ съ указаніемъ хронологической постепенности ихъ открытія и обстоятельствъ ихъ нахожденія; а также выдѣлить изъ II части, занимающейся болѣе сличеніями вѣроучительнаго характера, чисто историческія сличенія (первоцари Вавилона и допотопные патріархи Откровенія, потопъ по Библии и Вавилону и т. под). За всеѣмъ этимъ трудъ г. Никольскаго представляетъ прекрасное отраженіе не только трудолюбія, но и трудоспособности автора, несомнѣнно заслуживающаго искомой ученой степени“.

28) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Соколова о сочиненіи студента *Новочадова Владимира* на тему: „Апологетическій очеркъ православнаго ученія о почитаніи святыхъ мощей въ связи съ недавними событіями въ Саровѣ“:

„Въ краткомъ вступленіи авторъ,—очевидецъ Саровскаго торжества, припоминаетъ тѣ высокія религіозныя впечатлѣнія, какія приходилось переживать тогда ‚многотысячнымъ толпамъ православныхъ богомольцевъ; но въ то же время съ горькимъ чувствомъ указываетъ и на то, что не мало было людей, которые съ сомнѣніемъ и даже прямо съ невѣріемъ относились къ происходившимъ на ихъ глазахъ событіямъ, пытаясь иногда распространять свои сомнѣнія и въ средѣ простого вѣрующаго народа. Это обстоятельство и послужило для автора побужденіемъ „разсмотрѣть и провѣрить тѣ основанія, по которымъ первые реформаторы отвергли догматъ почитанія мощей и тѣмъ дали возможность своимъ послѣдователямъ бросать презрительный взглядъ на Саровское наше торжество“.

Исслѣдованіе г. Новочадова дѣлится на двѣ части, изъ коихъ каждая еще подраздѣляется на главы.

Первая часть (стр. 5—108) имѣетъ своимъ предметомъ обзоръ отрицательныхъ воззрѣній на догматъ о почитаніи святыхъ мощей. Этотъ обзоръ начинается краткими замѣчаніями о христіанахъ изъ іудеевъ, о гностикахъ, объ Евноміи и Вигиліанціи и затѣмъ подробно останавливается на изложеніи воззрѣній Виклефа, Лютера (семь особыхъ главъ), Меланхтона, Цвингли, Кальвина, а также Шмалькальденскихъ членовъ и Аугсбургскаго исповѣданія.

Вторая часть сочиненія (стр. 109—190) начинается указа-

ніемъ и критическимъ обзоромъ нѣкоторыхъ особенностей въ ученіи о почитаніи святыхъ мощей въ римско-католической церкви сравнительно съ православною, причемъ съ особенною подробностью авторъ останавливается на опроверженіи латинскаго воззрѣнія, что будто бы ученіе о почитаніи святыхъ мощей имѣетъ основанія въ Священномъ Писаніи Ветхаго Завѣта (стр. 109—131).—Дальнѣйшее изложеніе второй части, примѣнительно къ первой, имѣетъ своимъ предметомъ разсмотрѣніе трехъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) „противорѣчитъ ли почитаніе мощей истинному богопочтенію и евангельской нравственности, что утверждаетъ преимущественно Лютеръ? 2) согласно ли почитаніе мощей съ христіанствомъ вообще, какъ религіею духа, что отрицаетъ главнымъ образомъ Цвингли? и 3) не служитъ ли почитаніе мощей источникомъ однихъ злоупотребленій, причемъ подвергается сомнѣнію существованіе истинныхъ—неподложныхъ мощей,—за что настойчивѣе другихъ ратуетъ Кальвинъ?“—Давая отвѣтъ на эти вопросы, авторъ и раскрываетъ православное ученіе о почитаніи святыхъ мощей, причемъ подробно останавливается на выясненіи истиннаго значенія ихъ нетлѣнія и источаемыхъ ими чудесъ.

Постановка вопроса и планъ изслѣдованія г. Новочадова вполне соотвѣтствуютъ его задачѣ, но въ осуществленіи намѣченнаго плана сочиненіе не свободно отъ нѣкоторыхъ мелкихъ, а иногда и существенныхъ, недостатковъ и недосмотровъ.

Въ первой части сочиненія ученіе Виклефа и Меланхтона изложено въ слишкомъ общихъ чертахъ, съ опущеніемъ тѣхъ подробностей, которыя наиболѣе близко касаются изслѣдуемаго авторомъ вопроса, а потому въ его изложеніи ученіе этихъ богослововъ представляется имѣющимъ слишкомъ малое отношеніе къ предмету сочиненія. Самый выборъ предметовъ въ этой части кажется довольно случайнымъ и не всегда понятнымъ. Чѣмъ, напр., объяснить, что авторъ считаетъ нужнымъ остановить вниманіе читателя на Виклефѣ и не даетъ особаго мѣста Гусу и его послѣдователямъ?

Вторая часть сочиненія страдаетъ существенною неполнотою. Изложеніе римско-католическаго ученія о почитаніи святыхъ мощей слабо по существу и ведется по источни-

камъ, которые не могутъ быть признаны компетентными и достаточными для данной цѣли. Въ раскрытіи православнаго ученія авторъ почему то не счелъ нужнымъ съ должною полнотою заняться обзоромъ и изслѣдованіемъ тѣхъ патристическихъ и историческихъ свидѣтельствъ, на цѣломъ рядѣ которыхъ утверждается православный догматъ о почитаніи святыхъ мощей, а потому въ его изложеніи этотъ догматъ представляется слабо обоснованнымъ. Автору никакъ не слѣдовало бы обходить молчаніемъ такія данныя, какъ напр. 7-е правило VII всел. собора, 94-е правило собора Карфагенскаго, свидѣтельства св. Кирилла Александрійскаго, св. Григорія Богослова и др.

Выставляя нѣкоторыя возраженія противъ догмата, авторъ оставляетъ ихъ иногда безъ опроверженія, какъ это случилось, напр., съ положеніемъ Цвингли о томъ, что почитаніе мощей не согласно съ христіанствомъ, какъ религіей духа.

Иногда въ своемъ апологетическомъ увлеченіи авторъ заходитъ далѣе, чѣмъ слѣдуетъ, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда онъ придаетъ чрезмѣрное значеніе самому факту нетлѣнія мощей, забывая, что при такой постановкѣ дѣла ему необходимо было бы считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что существуютъ, какъ извѣстно, примѣры нетлѣнія тѣлъ умершихъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ликомъ христіанскихъ святыхъ.

Присутствіе въ сочиненіи г. Новочадова подобныхъ недостатковъ и недосмотровъ не отнимаетъ, конечно, у него принадлежащихъ ему достоинствъ.

Авторъ не мало потрудился надъ своею работою, познакомившись съ источниками и пособиями на латинскомъ, вѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Въ ряду этихъ источниковъ и пособій были сочиненія Лютера, Кальвина, Беллярмина, Хемница, Кёстлина, Шмидта, Целлера, Баура, Кампшульте, Мѣрикофера, Стефана Яворскаго, Пиннокентія, Сильвестра, Голубинскаго и др.

Работа г. Новочадова съ начала до конца проникнута духомъ глубокой вѣры и искренняго религіознаго настроенія, а потому съ этой стороны производитъ на читателя очень хорошее впечатлѣніе.

Для присужденія автору кандидатской степени признаю сочиненіе г. Новочадова удовлетворительнымъ“.

29) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Соколова о сочиненіи студента *Орлова Митрофана* на тему: „Отношенія старокатоликовъ къ англиканамъ и значеніе этихъ отношеній при вопросѣ о сближеніи старокатолицизма съ православіемъ“:

„Во введеніи (стр. 1—29) къ своему сочиненію авторъ въ краткихъ, но ясныхъ и отчетливыхъ чертахъ раскрываетъ значеніе изслѣдуемаго имъ вопроса. Опредѣливъ первоначальную задачу старокатолическаго движенія и основныя начала, установленныя имъ для осуществленія этой задачи, авторъ приводитъ мнѣнія нѣкоторыхъ авторитетовъ, утверждающія, что старокатолицизмъ послѣдняго времени замѣтно уклоняется въ сторону протестантизма, что и обнаруживается въ его сближеніи съ англиканствомъ. Соответственно этому, авторъ ставитъ для своего изслѣдованія вопросъ: дѣйствительно ли старокатолики вступили въ близкія сношенія съ англиканскою церковью и дѣйствительно ли эти близкія сношенія препятствуютъ ихъ соединенію съ Православною церковью? Въ частности, работа автора располагается по слѣдующему плану: первый отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ „исторію взаимныхъ отношеній старокатоликовъ и англиканъ“, при чемъ первая глава (стр. 30—80) изображаетъ отношенія *старокатоликовъ* къ англиканамъ, какъ они выразились а) въ заявленіяхъ на конгрессахъ и конференціяхъ, б) въ фактахъ близкаго взаимообщенія съ англиканами и в) въ пастырскихъ посланіяхъ представителей старокатолицизма съ отзывами объ англиканской церкви: а вторая глава (80—110) изображаетъ отношенія *англиканъ* къ старокатоликамъ, какъ они выразились а) въ конгрессахъ и конференціяхъ, какъ на континентѣ, такъ и въ Англіи. б) въ фактахъ близкаго общенія и в) матеріальной помощи старокатоликамъ со стороны англиканъ.—Второй отдѣлъ сочиненія имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе вопроса: „какое значеніе имѣютъ отношенія старокатоликовъ къ англиканамъ при вопросѣ о сближеніи старокатолицизма съ православіемъ?“ Въ первой главѣ этого отдѣла (стр. 111—207) авторъ излагаетъ взгляды на поставленный вопросъ проф. Керенскаго, прот. Смирнова, ген. Кирѣева, протопр. Инышева, проф. Овербека и г. Добронравова, а также нѣкоторыхъ изъ старокатоликовъ. Во второй главѣ (208—248) авторъ вы-

ясняетъ происхожденіе тѣхъ отношеній, какія установились между старокатоликами и англиканами, останавливаясь, при этомъ, главнымъ образомъ на изслѣдованіи старокатолическаго воззрѣнія на вселенскую церковь. Глава третья (249—295) раскрываетъ значеніе взаимныхъ отношеній между старокатоликами и англиканами съ точки зрѣнія вопроса о сближеніи старокатолицизма съ православіемъ, указывая неблагопріятное вліяніе этихъ отношеній въ томъ смыслѣ, что старокатоличество замѣтно уклоняется въ сторону протестантизма. Послѣдняя глава сочиненія на трехъ страничкахъ даетъ читателю не имѣющія значенія замѣчанія автора по вопросу о томъ, при какихъ условіяхъ сношенія старокатоликовъ съ англиканами могли бы быть полезными и для Православной церкви желательными,

Обзоръ содержанія сочиненія г. Орлова показываетъ, что вопросъ представленъ авторомъ съ достаточною полнотою и по возможности со всѣхъ его важнѣйшихъ сторонъ. Литература, какъ на русскомъ, такъ и на нѣмецкомъ и отчасти англійскомъ языкѣ, правда не обширная, прочитана авторомъ внимательно, причемъ извлечено изъ нея немалое количество цѣнныхъ данныхъ, служащихъ къ уясненію поставленной задачи.

Что касается обработки матеріала и научнаго анализа имѣвшихся въ распоряженіи автора данныхъ, то въ этомъ отношеніи его работа оставляетъ желать многого.

Главный недостатокъ сочиненія состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ по преимуществу компилятивный характеръ. Большая часть его состоитъ изъ обширныхъ буквальныхъ извлеченій изъ сочиненій разныхъ авторовъ, при чемъ самому г. Орлову очень часто принадлежатъ лишь немногія строки, соединяющія одно извлеченіе съ другимъ. Свою задачу нашъ авторъ ограничиваетъ нерѣдко только подборомъ фактовъ и выдержекъ, а на ихъ критическое изслѣдованіе и надлежащее освѣщеніе обращаетъ слишкомъ мало вниманія. Отсюда его сочиненіе обнаруживаетъ мало самостоятельности автора и имѣетъ видъ не столько изслѣдованія вопроса, сколько матеріаловъ для него, собранныхъ и приведенныхъ въ нѣкую систему.

Благодаря недостатку анализа въ сочиненіи нѣкоторыя весьма существенныя стороны вопроса остаются невыяснен-

ными. Согласно изложенію автора можно, повидимому, думать, что онъ склоненъ видѣть въ сближеніи съ англиканствомъ причину того явленія, что старокатоличество позднѣйшаго времени замѣтно пріобрѣтаетъ болѣе протестантскій, сравнительно съ прежнимъ, характеръ. Если такъ, то эта мысль требовала бы, конечно, серьезной и основательной аргументаціи, такъ какъ можно держаться и обратнаго воззрѣнія, т. е. видѣть въ сближеніи съ англиканствомъ не причину, а слѣдствіе того обстоятельства, что старокатоличество, въ силу совершенно иныхъ причинъ, уклоняется въ сторону протестантизма, проявленіемъ чего и служитъ его сближеніе съ англиканствомъ. Авторъ забываетъ, что въ научномъ изслѣдованіи недостаточно высказать ту или другую мысль, или привести тѣ или другія мнѣнія, но необходимо доказать ихъ или опровергнуть.

Недостаточно вдумчивое отношеніе автора къ своему матеріалу является иногда причиною и нѣкоторыхъ формальныхъ недочетовъ въ его изложеніи. Глава первая перваго отдѣла напр. поставляетъ своею задачею изображеніе отношеній *старокатоликовъ* къ англиканамъ, а между тѣмъ на страницахъ 34, 43, 44—46, авторъ приводитъ мнѣнія и отзывы Доона, Ольдгама, Вордсворта, Гэля и др., т. е. не старокатоликовъ, а англиканъ, которымъ, по плану сочиненія, должно быть мѣсто не въ первой главѣ, а во второй.

Какъ трудъ достаточно полный по количеству собраннаго матеріала и обнаруживающій въ авторѣ добросовѣстное стремленіе по возможности выяснить поставленный вопросъ, признаю его сочиненіе для полученія кандидатской степени удовлетворительнымъ“.

30) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Лавскаго Григорія* на тему: „О первосвященническомъ служеніи Иисуса Христа по ученію апостола Павла въ посланіи къ евреямъ“:

„Въ шести главахъ сочиненія раскрыты слѣдующія предметы: 1) Христосъ—первосвященникъ по человечеству или сравненіе Христа, какъ первосвященника новозавѣтнаго, съ первосвященникомъ ветхозавѣтнымъ; 2) Христосъ—первосвященникъ по Божеству; 3) Христосъ—первосвященникъ, какъ Богочеловѣкъ, или Христосъ—первосвященникъ по чину Мелхиседекову; 4) жертвы ветхозавѣтныя и жертва Хри-

стова; 5) прообразовательное значеніе священныхъ мѣстъ (скиній) и священныхъ временъ (дня очищенія и субботы) въ ветхомъ завѣтѣ; 6) Ветхій и Новый Завѣтъ. Кромѣ того во введеніи опредѣленъ характеръ толкованія Ветхаго за-вѣта въ новозавѣтномъ Священномъ Писаніи, а въ заклю-ченіи сказано о значеніи ветхозавѣтныхъ прообразовъ какъ для ветхозавѣтныхъ людей, такъ и для христіанъ.

Сочиненіе г. Павскаго относится къ области библейскаго богословія. Въ подобныхъ сочиненіяхъ богословіе догмати-ческое переплетается съ толковательнымъ. Таково и сочи-неніе г. Павскаго. Изслѣдованіе предмета въ немъ ведется толковательно-изъясняется ученіе апостола Павла въ посла-ніи къ евреямъ о первосвященническомъ служеніи. Различіе такого толкованія отъ подстрочныхъ комментаріевъ то, что въ сочиненіи изъясняются только тѣ мѣста посланія, въ которыхъ говорится о первосвященническомъ служеніи, и притомъ эти мѣста и толкованіе ихъ приводятся въ систему на основѣ чисто догматическихъ началъ. Главными источ-никами и пособіями Павскому служили толковательныя со-чиненія, а именно—изъ древнихъ толкованія на посланіе къ евреямъ Ефрема Сирина, Іоанна Златоуста, Теодорита, Ику-менія, Евѣмія Зигабена, Теофилакта Болгарскаго, а изъ новыхъ архимандрита Иринея; толкованіе, изданное редак-ціей Воскреснаго чтенія и латинскій комментарій Миня. Не оставилъ онъ безъ вниманія и многихъ догматическихъ со-чиненій, хотя въ его сочиненіи имъ дано значеніе второ-степенное, дополнительное. Въ виду близкаго отношенія по-сланія къ евреямъ ко многимъ книгамъ Ветхаго Завѣта г. Павскому пришлось не мало пользоваться сочиненіями, въ которыхъ раскрывается мессіанское ученіе Ветхаго За-вѣта, а именно сочиненіями Смирнова, Каменскаго, Епископа Палладія и Евѣмія Зигабена. Вообще прочитанная, изучен-ная и использованная г. Павскимъ литература довольно об-ширна. Толковательный методъ раскрытія предмета далъ ему возможность изслѣдовать его во всѣхъ подробностяхъ, но за то онъ удерживалъ его вниманіе излишне долго на подробностяхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ темъ или маловажныхъ. Авторъ сочиненія за свой трудъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

31) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочине-

нии студента *Петропавловскаго Александра* на тему: „Религія человѣчества“ *Огюста Конта*“:

„Ученіе Конта о религіи человѣчества обыкновенно ставятъ въ тѣсную связь и зависимость отъ личной жизни Конта. Сообразно съ этимъ взглядомъ, г. Петропавловскій предпосылаетъ изложенію религіи человѣчества біографію Конта (1—139 стр. изъ 480 стр. всего сочиненія), онъ не доводитъ ее до смерти философа, но явно стремится возможно подробнѣе выяснитъ всѣ событія въ жизни творца религіи человѣчества, которыя можно поставить въ ту или иную связь съ послѣднею. За біографіею излагается общая теорія контовской религіи, какъ антитеологическаго ученія и соціолатрической практики. Въ трехъ главахъ—о культѣ, догматѣ и режимѣ—г. Петропавловскій знакомитъ съ подробностями зданія контовской теоріи. Послѣднюю главу онъ посвящаетъ съ одной стороны устраненію считаемыхъ имъ неправильными взглядовъ на смыслъ и происхожденіе религіи человѣчества, съ другой—попыткѣ дать свое истолкованіе происхожденію этого своеобразнаго ученія.

Подробнѣе всего у автора изложенъ культъ религіи человѣчества. Недостаточно выяснено имъ ученіе Конта о трехъ періодахъ развитія и о томъ, какъ примѣнить этотъ законъ трехъ періодовъ къ религіи? Г. Петропавловскій касается этого, но кратко и глухо. Точно также недостаточно выяснено позитивное ученіе о догматѣ.

Біографію Конта г. Петропавловскій излагалъ по авторамъ, глубоко симпатизировавшимъ Конту и, повторяя вслѣдъ за этими авторами слова о благородствѣ и величіи Конта, нашъ авторъ не хотѣлъ замѣтить фактовъ, которые представляютъ Конта далеко не въ такомъ выгодномъ свѣтѣ. Контъ разошелся съ Сень-Симономъ, съ Миллемъ, съ Литре, причемъ въ разрывѣ съ Литре и Миллемъ играли роль и ничѣмъ не оправдываемыя требованія себѣ денежной субсидіи. Почему эти лица, безспорно благородныя, помогавшія Конту деньгами, порвали съ нимъ? Дѣло здѣсь не въ одномъ различіи взглядовъ. Для г. Петропавловскаго ясно, что въ столкновеніи Конта съ женою былъ правъ Контъ, но почему? Изъ отношеній Конта къ Клотильдѣ де-Во выросъ въ значительной мѣрѣ у Конта культъ женщины, но г. Петропавловскій не хотеть замѣтить, что это случилось не потому, чтобы

Конть хотѣлъ навсегда имѣть предъ собою Клотильду на пьедесталѣ, а потому, что Конть былъ недостаточно привлекателенъ какъ мужчина и вслѣдствіе этого Клотильда не сошла для него съ своего пьедестала. Повторилась исторія Лауры и Беатриче. Какъ ни пристрастны біографы Конта, въ немъ однако и на основаніи ихъ сообщеній рѣзко выступали нѣкоторыя невыгодныя качества—притязательность, деспотизмъ, мелочность—качества одинаково чуждыя какъ высоконравственнымъ, такъ и геніальнымъ натурамъ. Г. Петропавловскій, сообщая о фактахъ, такъ характеризующихъ Конта, игнорируетъ ихъ значеніе и въ своей оцѣнкѣ личности философа повторяетъ отзывы тѣхъ, которые стоятъ всецѣло на его сторонѣ. Безъ сомнѣнія то, что таковыя мыслители есть и что ихъ даже немало, указываетъ на существованіе привлекательныхъ чертъ въ Контѣ, но и фактъ существованія непривлекательныхъ передъ нами на лицо. А между тѣмъ для правильнаго пониманія религіи человѣчества непременно нужно правильно понять Конта.

Мелочность Конта объясняетъ намъ его совершенно безплодную разработку деталей вопроса въ устроеніи культа и режима. Ограниченность Конта объясняетъ намъ, почему все предусматривая въ будущемъ, онъ никогда не умѣлъ подняться надъ настоящимъ. Сынъ католической церкви, онъ заимствуетъ у ней теорію index'a и опредѣляетъ въ будущемъ сжечь всѣ непозитивныя сочиненія (342 стр.). Французскій гражданинъ, онъ къ своему культу женщины легко и удобно присоединяетъ имущественное безправіе женщины (384 стр.). Г. Петропавловскій мало остановился на выясненіе личныя свойствъ Конта и его католическаго и французскаго происхожденія, какъ факторахъ создавшихъ религію человѣчества.

Культь религіи человѣчества при глубокомъ внутреннемъ различіи позитивной догмы и католической представляетъ поразительное родство съ культомъ католическимъ. Г. Петропавловскій совершенно правъ, устраняя мысль о томъ, что Конть хотѣлъ дать пародію католичества: онъ основательно доказываетъ, что Конть трактовалъ свой культъ совершенно серьезно, а не какъ каррикатуру. Совершенно основательно г. Петропавловскій доказываетъ и то, что религія человѣчества не стоитъ въ противорѣчій со всею си-

стемою позитивной философіи. Далеко не такъ убѣдителенъ онъ въ своей попыткѣ доказать *нормальный* характеръ всей системы религіи. Думается, что нѣкоторые ея элементы можно признать психопатологическими.

Г. Петропавловскій принимаетъ, что въ душѣ человѣка живутъ неистребимыя религіозныя стремленія и что эти стремленія и побудили Конта, отказавшагося отъ религіозной вѣры, создать своеобразный суррогатъ для удовлетворенія религіозной потребности. Такъ конечно будетъ смотрѣть на дѣло и всякій разумно вѣрующій человѣкъ, но остается открытымъ вопросъ о причинахъ исчезновенія вѣры и происхожденіи формы суррогата. Г. Петропавловскій ихъ въ сущности обошелъ.

Не коснулся онъ и многихъ другихъ, настойчиво вызываемыхъ темою вопросовъ, но за всѣмъ тѣмъ онъ и сдѣлалъ достаточно, и для полученія степени кандидата сочиненіе должно быть признано удовлетворительнымъ“.

32) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Протопопова Виктора* на тему: „Обзоръ русской гомилетической литературы за XIX в.“:

„Не одинъ годъ я предлагалъ студентамъ четвертаго курса эту тему. Не трудно понять, почему такъ настойчиво я предлагалъ ее имъ. У насъ до сихъ поръ нѣтъ сочиненія, въ которомъ бы обозрѣвалась вся русская гомилетическая письменность, литература. А между тѣмъ подобное сочиненіе крайне необходимо какъ въ чисто практическомъ отношеніи, такъ и въ теоретическомъ. Въ подобномъ произведеніи у насъ нуждаются и пастыри, и преподаватели-гомилеты. Но на мой настойчивый призывъ долго изъ студентовъ никто не хотѣлъ откликнуться. Прошло нѣсколько лѣтъ до того дня, когда я нашелъ человѣка, согласившагося поработать въ области этого вопроса. Признаюсь открыто, я весьма ему благодаренъ за его попытку поработать надъ указанной мною темой.

Авторъ съ неослабѣвающимъ интересомъ работалъ въ теченіе цѣлаго года надъ своею темой, извлекая на свѣтъ Божій забытыя сочиненія одно за другимъ. Его литературный хронографъ разросся въ обширное изслѣдованіе, обнимающее собою 592 стр. мелкаго письма. Вотъ схематическій планъ этого обширнаго труда.

„Введеніе. Русская гомилетика до XIX в. Періодъ первый. Гомилетическая литература отъ конца XVIII в. до гомилетики Амфитеатрова (1846 г.).

I. Литература по теоріи Гомилетики. А) Гомилетическая литература риторическаго направленія. Руководство къ церковному краснорѣчію. *Tractatus de concionum dispositionibus formandis* Анастасія Братановскаго. Б) Гомилетическая литература подъ западнымъ вліяніемъ. Правила высшаго краснорѣчія М. Сперанскаго. Размышленія о краснорѣчій аѳѳ. Трюблета. Совѣтъ молодому проповѣднику. Ученіе о словесности Давыдова. В) Гомилетическая литература практическаго направленія. Разсужденіе о важности проповѣдническаго служенія іеродіак. Евгенія. Разсужденіе о трехъ главныхъ обязанностяхъ пастырей церкви іерод. Сергія. Разсужденіе о предварительномъ приготовленіи проповѣдей студ. Кедрова. Статьи духовныхъ журналовъ: Пастырское наставленіе народа. Отрывокъ изъ записной книжки одного почтеннаго священника. Слово о пути къ покою. Какъ узнать, подѣйствовала ли проповѣдь. Изъ нравственныхъ правилъ св. Василія Великаго. Добрый примѣръ пастыря. Познанія пастыря. Заключение.

II. Литература по исторіи проповѣдничества. Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники, Ю. Самарина. О проповѣданіи въ древней христіанской церкви студ. Бобина. Статьи по исторіи русскаго проповѣдничества въ журн. „Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ“. Изысканіе о русскомъ проповѣдникѣ XIII в. Владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ. Поученія Преосвящ. Инокентія Шевырева. Слова и рѣчи Филарета, Митропол. Московскаго, Шевырева.

Періодъ второй. Отъ Гомилетики Амфитеатрова и до конца столѣтія.

I. Теорія Гомилетики.

Чтенія о церковной словесности Я. К. Амфитеатрова. Путновъ и его опытъ наставленія въ церковномъ краснорѣчій. Руководство къ церковному собесѣдованію или Гомилетика Фаворова. Указаніе предметовъ, плановъ и методъ, коимъ приходскій священникъ можетъ съ успѣхомъ слѣдовать въ преподаваніи истинъ вѣры христіанской, студ. Павловскаго. Статьи духовныхъ журналовъ: Гомилетика или наука о церковномъ собесѣдованіи. О проповѣдническомъ служеніи пастырей церкви. Объ убѣдительности, какъ характеръ церков-

ныхъ поученій. Жалобы на скорбный характеръ церковной проповѣди.

II. Исторія проповѣдничества.

О древнихъ словахъ на св. чотырдесятницу Горскаго. Свѣдѣнія о Филологѣ Черноризцѣ Субботина.

III. Практическая гомилетика.

Первоначальное пособие для проповѣдниковъ II. Соколова. Темы для поученій къ простому народу Архим. Викторина.

Внимательный рецензентъ, конечно, не мало можетъ предъявить автору разсматриваемаго сочиненія различныхъ замѣчаній и требованій. Онъ можетъ сказать ему. Сочиненіе авторомъ доведено только до 60-хъ годовъ XIX в. Вторая половина столѣтія осталась совершенно имъ необсѣдованной и неизученной. А между тѣмъ литература эта весьма обширна. Обзоръ одной литературной дѣятельности нашего выдающагося гомилета проф. В. Θ. Пѣвницкаго могъ бы составить, кажется, особое изслѣдованіе. То же самое можно сказать о безчисленныхъ почти статьяхъ по гомилетикѣ, помѣщавшихся въ Руков. для сельскихъ пастырей. И въ историческомъ обзорѣ гомилетической литературы до 60-хъ годовъ авторъ сдѣлалъ не мало опущеній. Нѣтъ у него характеристикъ эпохъ. Не вездѣ точка зрѣнія на вещи можетъ быть признана совершенно правильной. Можно указать и нѣсколько недостатковъ чисто методологическаго характера.

Но всѣ эти недочеты теряютъ почти всякое значеніе, когда согласишься на то, что сдѣлано авторомъ. При отсутствіи у насъ указателей по Гомилетикѣ автору приходилось пересмотрѣть всѣ наши богословскіе журналы отъ начала ихъ появленія въ свѣтъ, перерыть всевозможные указатели побочные. II въ разработкѣ матеріала, извлеченнаго имъ изъ мрака минувшихъ временъ, ему приходилось идти самостоятельной стезей, за тѣмъ же отсутствіемъ у насъ какой либо научной исторіи или научнаго обзора нашей гомилетической литературы. Еще болѣе предстояло затрудненій автору, когда ему приходилось разбираться въ теченіяхъ, господствовавшихъ въ то или другое минувшее время въ жизни. А понять то или другое произведеніе можно только тогда, когда поймешь время, въ какое оно появилось на свѣтъ. Только эта точка зрѣнія дастъ возможность изслѣдователю отдѣлится въ немъ вѣчное отъ временнаго.

Въ виду всего этого я нахожу вполне справедливымъ дать автору степень кандидата богословія за его трудъ и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ его представить. Если бы авторъ нашелъ возможнымъ довести его до конца и исправить, то ему можно было бы съ удовольствіемъ присудить ученую степень магистра богословія. Если же бы авторъ не нашелъ возможнымъ почему либо окончить свой трудъ, совѣтую ему настойчиво многое изъ него напечатать въ журналахъ.

Я не безъ задней мысли выписалъ подробный конспектъ сочиненія г. Протопопова. Думаю, что будущій работникъ въ области вопроса, интересовавшаго г. Протопопова, увидить въ этомъ трудѣ нѣкотораго рода нравственную поддержку для себя взяться за трудное дѣло написанія исторіи русской гомилетической литературы за XIX вѣкъ и нѣкоторое пособіе въ разработкѣ этой сложной матеріи. Не страшно работать тамъ, гдѣ положены хотя первые начальные шаги“....

33) Экстраординарнаго профессора Василя Мышцына о сочиненіи священника *Рождественскаго Димитрія*: „Книга пророка Захаріи. Предварительныя свѣдѣнія о книгѣ“:

„Сочиненіе о. Д. Рождественскаго состоитъ изъ введенія и пяти главъ. Во введеніи авторъ говоритъ о задачѣ и методѣ предварительныхъ свѣдѣній вообще и о книгѣ пр. Захаріи въ частности. Между прочимъ онъ рѣшаетъ здѣсь вопросъ о томъ, какимъ образомъ должны быть примирены въ изслѣдованіи православнаго библіолога требованія научной критики съ обязательностью церковнаго авторитета. Въ заключеніи введенія авторъ перечисляетъ источники и пособія, бывшіе въ его распоряженіи. Въ первой главѣ своего сочиненія онъ анализируетъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности пророка, почерпаемые изъ Священнаго Писанія и преданія. Вторая глава посвящена историческому очерку времени пр. Захаріи. Здѣсь авторъ знакомитъ читателя не только съ политическимъ состояніемъ языческихъ народовъ и народа Божія, но и съ идеями, настроеніями и надеждами, господствовавшими въ современномъ Захаріи іудейскомъ обществѣ. Въ третьей главѣ дается подробный анализъ содержанія книги съ объясненіемъ видѣній и предсказаній пророка. Четвертая—имѣетъ цѣлью выяснить особенности въ содержаніи и изложеніи книги. Здѣсь онъ раскрываетъ смыслъ наиболѣе характерныхъ для пророка понятій,

какъ-то Саваоѣ, Ангелъ Іеговы, Отрасль, сатана, терафимъ и др., говоритъ о слѣдахъ вавилонскаго вліянія на книгѣ пророка, о происхожденіи и судьбѣ самой книги. Пятая глава устанавливаетъ единство и подлинность книги пророка Захаріи.

Сочиненіе о. Рождественскаго представляетъ собою очень серьезный ученый трудъ какъ по освѣдомленности автора съ научнымъ матеріаломъ по данному вопросу, такъ и по научности тѣхъ приѣмовъ, съ которыми онъ приступаетъ къ провѣркѣ этого матеріала. Не говоря уже о множествѣ справочныхъ трудовъ, онъ изучилъ свыше десятка лучшихъ специальныхъ трудовъ о книгѣ пр. Захаріи на иностранныхъ языкахъ. Прекрасное знаніе не только новыхъ, но и древнихъ языковъ даетъ ему возможность обращаться къ подлиннику и первоисточникамъ. Это сообщаетъ солидность его аргументаціи, авторитетность его сужденіямъ. Къ тому же у автора есть похвальная черта изслѣдовать предметъ не съ середины, а съ начала, полагаясь не столько на принятые неизвѣстно у кого взгляды, сколько на факты и исторію, что еще болѣе увеличиваетъ убѣдительность его взглядовъ. Отличительная особенность всѣхъ разсужденій и соображеній автора, это—замѣчательная ясность, точность и здравость. Благодаря этимъ качествамъ, его сочиненіе при всей спеціальности можетъ быть почти популярнымъ чтеніемъ. Все это побуждаетъ настоятельно рекомендовать автору изданіе въ свѣтъ его труда. Безъ особеннаго труда съ его стороны его сочиненіе можетъ быть очень хорошей магистерской диссертацией. Для сего желательно было бы расширить начало четвертой главы и особенно главу пятую (о единствѣ книги). Степени же кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ за свое сочиненіе и въ его теперешнемъ видѣ“.

34) Экстраординарнаго профессора Івана Попова о сочиненіи студента *Розанова Владимира* на тему: „О сочиненіяхъ извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита“:

„Въ первой главѣ своей работы авторъ говоритъ о неоподлинности твореній, приписываемыхъ христіанскою древностью св. Діонисію Ареопагиту, съ достаточною полнотою исчерпывая тѣ многочисленныя основанія, которыя современной наукѣ не позволяютъ видѣть въ Ареопагитикахъ произведеній апостольскаго или послѣ-апостольскаго вре-

мени. Вторая глава, посвященная вопросу объ источникахъ Ареопагитикъ, представляетъ собою детальное сопоставленіе первыхъ—по ихъ формальнымъ свойствамъ, а отчасти и по содержанію съ новоплатонизмомъ и особенно съ сочиненіями Прокла. Въ трехъ остальныхъ главахъ излагается догматическое ученіе Ареопагитикъ по рубрикамъ: ученіе о Богѣ, объ ангелахъ, о человѣкѣ.

Въ выполненіи авторомъ намѣченной задачи нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ довольно существенныхъ недостатковъ. Авторъ располагалъ прекраснымъ пособіемъ. Разумѣемъ книгу Коха: *Pseudo-Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neuplatonismus und Mysterienwesen*. Mainz. 1900. Въ этомъ изслѣдованіи съ замѣчательной тщательностью и знаніемъ текстовъ произведено сравненіе Ареопагитикъ по формѣ и содержанію съ сочиненіями новоплатониковъ. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ изслѣдованіе Коха—книга не для чтенія. Она содержитъ въ себѣ драгоценный, но все же сырой матеріалъ, необходимый для связнаго изложенія догматическихъ и нравственныхъ идей, нашедшихъ выраженіе въ Ареопагитикахъ. Въ переработкѣ этого матеріала для изложенія догматики и этики псевдо-Діонисія и состояла задача автора, такъ какъ соперничать съ Кохомъ въ изслѣдованіи источниковъ Ареопагитикъ онъ не могъ. Къ сожалѣнію обработку матеріаловъ, собранныхъ въ книгѣ Коха, нельзя признать удовлетворительной въ сочиненіи автора. Излагая ученіе псевдо-Ареопагита, онъ не столько выясняетъ взаимную связь идей, не столько излагаетъ ихъ въ связной системѣ и общей цѣлостной картинѣ, сколько, слѣдуя за Кохомъ, говоритъ объ ихъ новоплатоническомъ происхожденіи. Вслѣдствіе этого авторъ по большей части лишь слѣдуетъ за своимъ пособіемъ. Далѣе, задача систематическаго воспроизведенія идей, разбросанныхъ на страницахъ Ареопагитикъ, и ихъ характеристики могла бы быть выполнена съ большей законченностью, чѣмъ это сдѣлано авторомъ. Для этого ему нужно было остановить свое вниманіе не на однихъ только догматическихъ, но также и нравственныхъ идеяхъ псевдо-Діонисія. Въ самой передачѣ отдѣльныхъ сторонъ ученія Ареопагитикъ не всегда замѣчается надлежащая раздѣльность и подробность въ частностяхъ и деталяхъ.

Перечисленные недостатки сочиненія восполняются однако нѣкоторыми положительными сторонами работы. Изъ нея видно, что авторъ много потрудился надъ изученіемъ самаго памятника, отличающагося значительною трудностью для пониманія. Въмѣстѣ съ этимъ онъ потратилъ много усилий на изученіе источниковъ Ареопагитикъ, что дало ему возможность внести нѣкоторыя поправки къ капитальному труду Коха. Весь отдѣлъ о подложности Ареопагитикъ составленъ авторомъ вполне удовлетворительно и съ значительной эрудиціей. Все это даетъ основаніе признать автора вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

35) Экстраординарнаго профессора Александра Шостынина о сочиненіи студента *Роздольскаго Александра* на тему: „Препосвященный Никаноръ Херсонскій, какъ пастырь и педагогъ“:

„Во введеніи (стр. I—XIX) авторъ даетъ краткую общую характеристику преосв. Никанора въ связи съ направленіемъ его эпохи, намѣчаетъ планъ и указываетъ источники и пособія для своей работы. Въ первой части (стр. 1—292) послѣ біографическихъ свѣдѣній (гл. I и II) излагаются пастырскія воззрѣнія преосв. Никанора (гл. III.) и обрисовывается его пастырское служеніе и административная дѣятельность (гл. IV’).

Въ трехъ главахъ второй части (стр. 293—408) характеризуются педагогическія воззрѣнія и учебно-педагогическая дѣятельность преосв. Никанора.

Наконецъ, въ краткомъ заключеніи (стр. 408—411) говорится о поучительныхъ обстоятельствахъ самой кончины этого архипастыря.

Авторъ внимательно изучилъ почти всѣ сочиненія преосв. Никанора, не исключая мелкихъ его статей, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ и епархіальнымъ вѣдомостямъ (не могъ только добыть нѣкоторыхъ трудовъ его, оставшихся въ рукописяхъ, напр. Отчетъ по обзорѣнію Донской епархіи). Заимствованный отсюда матеріалъ онъ изложилъ весьма отчетливо и живо, такъ что въ результатъ получилось цѣлостное и даже увлекательное изображеніе покойнаго архипастыря, какъ энергичнаго дѣятеля на педагогическомъ и церковно-административномъ поприщѣ, всю жизнь свою наиболѣе заботившагося о религіозно-нравственномъ воспитаніи нашего общества чрезъ школу, проповѣдь и богослуженіе.

Для степени кандидата богословія сочиненіе г. Роздольскаго вполне достаточно“.

36) Экстраординарнаго профессора Ивана Андреева о сочиненіи студента *Россейкина-Косташа Теодора* на тему: „Первое правленіе патріарха Фотія“;

„Вопросъ о патріархѣ Фотіи—назрѣвшій вопросъ русской науки. У насъ доселѣ нѣтъ біографіи, достойной этого іерарха. Это не значитъ, что для нея у насъ мало сдѣлано. Напротивъ, сдѣлано очень много, особенно въ сочиненіяхъ А. П. Лебедева и А. М. Иванцова-Платонова. Но все же до полной, исчерпывающей, связной біографіи Фотія дѣло не дошло. Нужда въ написаніи такой біографіи усиливается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Какъ извѣстно, о Фотіѣ писалъ величайшій католическій церковный историкъ Гергенрёттеръ. Въ глазахъ Гергенрёттера Фотій—виновникъ раздѣленія церквей. Онъ расплачивается предъ западнымъ ученымъ за всю восточную церковь. При несомнѣнномъ желаніи облить папство въ дѣлѣ раздѣленія церквей Гергенрёттеръ выступаетъ противъ Фотія въ качествѣ прокурора могучаго и беспощаднаго. Почти всѣ русскія работы объ эпохѣ Фотія, написанныя послѣ изслѣдованія Гергенрёттера, стараются представить Фотія полною противоположностью тому, чѣмъ онъ является у католическаго обвинителя, т. е. выступаютъ въ роли адвокатовъ Фотія. Такое отношеніе къ Фотію въ нѣкоторыхъ новыхъ работахъ доведено до крайности. Такое положеніе вопроса о Фотіѣ оставляетъ мѣсто для синтеза, примиренія направленій—исключительно обвинительнаго и исключительно оправдательнаго. Это мѣсто и было предназначено для работы г. Россейкина. Эта работа обнимаетъ только первое правленіе Фотія. Для одного года болѣе, чѣмъ достаточно. Объ этомъ говоритъ уже размѣръ сочиненія: оно занимаетъ 650 стр. очень убористаго письма, что равно 800 стр. въ обыкновенной перепискѣ.—Сочиненіе распадается на 24 главы, расположенныя въ такомъ порядкѣ. 1) Внутреннее состояніе Ковстантинопольскаго патріархата во время Фотія; 2) происхожденіе Фотія; 3) его образованіе и учебная дѣятельность; 4) Фотій при дворѣ Теодора и Михаила; 5) патріархъ Пгнатій; 6) Фотій-патріархъ; 7) канонично ли поставленіе Фотія?—8) разрывъ Пгнатіанъ съ новымъ патріархомъ; 9) отношеніе Фотія къ его сторонникамъ и врагамъ:

10) посольство Фотія въ Римъ; 11) соборъ 861 г., 12) Апологія Фотія; 13) 861—862; 14) Фотій, какъ пастырь; 15) миссіонерская дѣятельность Фотія; 16) Фотій осужденъ Римомъ; 17) Фотій принимаетъ вызовъ; 18) переписка Константинополя съ Римомъ; 19) обращеніе Болгарь; 20) гибель Варды Василій Македонянинъ; 21) послѣднія письма папы Николая въ К-ль; 22) окружное посланіе Фотія 867 г.; 23) Константинопольскій соборъ 867 г. 24) гибель Михаила III. Низложеніе Фотія. Итоги.

Взятое въ цѣломъ сочиненіе г. Россейкина производитъ пріятное впечатлѣніе. Авторъ овладѣлъ въ достаточной мѣрѣ громаднымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его распоряженіи. Разумѣется его эрудиція не можетъ соперничать съ эрудиціей Гергенрѣтера. Но вѣдь Гергенрѣтеръ работалъ 15 лѣтъ на званіе великаго ученаго 19 в., а г. Россейкинъ только одинъ годъ и только лишь на званіе кандидата богословія. Это не значитъ однако, что въ работѣ г. Россейкина читатель находитъ менѣе, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ работы Гергенрѣтера. Авторъ воспользовался всѣмъ существенно важнымъ, что далъ католическій ученый. Но кромѣ того онъ усвоилъ все, что нашелъ для себя полезнаго въ работахъ проф. Лебедева и Иванцова, и прибавилъ многое отъ себя. По самому существу дѣла ему часто приходилось идти въ разрѣзъ съ Гергенрѣтеромъ, и во многихъ такихъ случаяхъ онъ высказываетъ оригинальныя и остроумныя соображенія. — Что касается источниковъ, то пользованіе ими у г. Россейкина всегда самостоятельно. Авторъ перечиталъ все, что читалось и до него, а также многое изъ того, что не привлекалось для оцѣнки личности Фотія и его дѣятельности. Но главная цѣнность работы г. Россейкина заключается въ томъ, что онъ искусно использовалъ уже ранѣе его изученный матеріалъ въ цѣляхъ созданія правдиваго цѣлостнаго образа Фотія. Знаменитый іерархъ подъ его перомъ перестаетъ быть отвлеченной, сухой, безжизненной фигурой,—какой онъ является въ большинствѣ русскихъ біографическихъ очерковъ. Во многихъ мѣстахъ изложеніе г. Россейкина заставляетъ испытывать чувство полнаго удовлетворенія, ибо вводитъ въ пониманіе духовнаго облика Фотія съ рѣдкимъ искусствомъ. — Впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ изученія перваго правленія Фотія, суммированы

въ концѣ работы такимъ образомъ. Фотій—человѣкъ блестящихъ духовныхъ дарованій, глубокаго ума, колоссальныхъ знаній, талантливый ученый и ораторъ, способный администраторъ. Но этотъ титанъ мысли не былъ героемъ духа. Въ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ ему суждено было вызывать къ себѣ или страстную привязанность, или не менѣе страстную ненависть. Друзья и приверженцы обожали его; враги—проклинали. Вождь и украшеніе просвѣтительнаго движенія своего времени, Фотій навсегда связалъ себя съ нимъ и до конца выступалъ человѣкомъ партіи. Взявъ въ руки патріаршій жезлъ по просьбѣ своей партіи, онъ потомъ не могъ уже выпустить его, не измѣняя партіи. Въ преслѣдованіяхъ несчастнаго Игнатія виновато свѣтское правительство, удалившее его по политическимъ подозрѣніямъ, и Варда, мстившій ему за оскорбленіе.—Вмѣшательство папы Николая ухудшило положеніе. Въ борьбѣ съ папствомъ Фотій успѣшно выполнялъ возложенную на него историческую миссію—защиты самостоятельности восточной церкви. Но нетерпимость Рима довела его до несчастной энциклики и собора 867 г. Какъ пастырь, Фотій вполне стоялъ на высотѣ своего положенія. Но въ отношеніяхъ Фотія къ Игнатію, Вардѣ и Михаилу не мало темныхъ пятенъ. Фотій не нашелъ въ себѣ силы отказаться отъ престола въ пользу Игнатія. Погибшій Варда заслуживалъ большаго сочувствія, а Михаилъ былъ достоинъ не ласкъ, которыми осыпалъ его Фотій въ письмахъ и рѣчахъ, а суровыхъ обличеній. Г. Россейкинъ увлеченъ своимъ героемъ и скорбитъ, что иногда онъ бывалъ обыкновеннымъ человѣкомъ.

Въ общемъ слѣдуетъ признать, что г. Россейкинъ выполнилъ свою задачу вполне успѣшно.

Есть однако и нѣкоторые недочеты, впрочемъ второстепенные. Поглощенный заботою пройти осторожно среди крайнихъ мнѣній, авторъ не всегда обращалъ должное вниманіе на черновую сторону своего изслѣдованія, намѣренно или ненамѣренно проходилъ иногда мимо такихъ вопросовъ, которые неизбежно требовали кропотливой критики. Для примѣра укажу хотя бы на то, что онъ счелъ возможнымъ обойти полнымъ молчаніемъ вопросъ о житіи Игнатія Никиты Палагонскаго, поднятый Пападопуло-Керамевсомъ. Вѣдь если аргументы послѣдняго окрѣпнуть, тогда все дѣло Игнатія и

Фотія придется обсудить снова. Подобныхъ поводовъ для специальныхъ справокъ было, конечно, не мало на длинномъ пути, пройденномъ авторомъ.—Слѣдуетъ пожалѣть и вообще о томъ, что авторъ не предупреждаетъ читателя о своемъ отношеніи къ литературѣ источниковъ и пособій. Между тѣмъ сдѣлать это было легко въ самой краткой формѣ. Такое конспективное обзорѣніе матеріала избавило бы автора отъ случайныхъ цитатъ въ родѣ ссылокъ на Кедрина, да еще по славянскому переводу. Наконецъ, можно посовѣтовать автору болѣе внимательное отношеніе къ трудамъ предшественниковъ и отмѣчать ихъ чаще и точнѣе, чѣмъ это иногда есть. Это замѣчаніе имѣетъ въ виду особенно первую главу, гдѣ нерѣдко трудно разобрать, что принадлежитъ автору и что его пособіямъ.

Г. Россейкинъ, конечно, достоинъ степени кандидата богословія“.

37) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Смирнова Михаила* на тему: „Расколъ учителя дьяконъ Θεодоръ“:

„Названное произведеніе представляетъ собою очень дѣльную монографію, не оставляющую сомнѣній въ томъ, что авторъ ея достаточно хорошо освоился какъ съ специальнымъ предметомъ своего изслѣдованія, его источниками и литературой, такъ и съ общими приѣмами ученыхъ работъ въ области историческихъ изысканій. Въ предисловіи къ своему сочиненію онъ высказываетъ вполне справедливую мысль, что „единственно дѣйствительнымъ средствомъ къ сближенію раскола съ православною церковью является научное безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ вопросовъ, касающихся возникновенія, развитія и дальнѣйшей жизни этого общества, безпристрастная оцѣнка идей, лицъ и событій, слагавшихъ указанный моментъ исторической жизни“ (стр. I—II). Отмѣченнымъ здѣсь характеромъ благороднаго безпристрастія. нигдѣ не становящагося въ противорѣчіе съ истинными интересами православной церкви, запечатлѣнъ на всемъ своемъ протяженіи разсматриваемый трудъ, посвященный обзору жизни, литературной дѣятельности и религіозныхъ мнѣній одного изъ самыхъ видныхъ вождей старообрядческаго раскола въ первоначальную эпоху его существованія. Авторъ рисуетъ намъ личность дьякона Θεодора на фонѣ

той исторической обстановки, среди которой возникъ раскольническій протестъ, отводя характеристикъ ея введеніе въ свое изслѣдованіе (стр. 1—21). Въ двухъ слѣдующихъ затѣмъ главахъ онъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о дьяконѣ Ѳеодорѣ до ссылки его въ Пустозерскъ (гл. I, стр. 21—92) и даетъ обзоръ сочиненій его за этотъ періодъ со стороны ихъ содержанія (гл. II, стр. 93—191). Такимъ содержаніемъ, по мысли изслѣдователя, является полемика противъ книжно-обрядовыхъ исправленій. Излагая ее, г. Смирновъ тщательно и умѣло группируетъ мысли знаменитаго расколоучителя, вѣрно оцѣниваетъ средства и приемы его аргументаціи и довольно удачно пытается прослѣдить въ разбираемыхъ сужденіяхъ отраженіе произведеній того кружка, направленіе котораго „во многомъ способствовало отклоненію“ д. Ѳеодора отъ православной церкви. Глава III (стр. 192—241) содержитъ въ себѣ рассказъ о жизни и страданіяхъ пустозерскаго заточника въ земляной тюрьмѣ—до мучительной смерти на кострѣ, послѣдовавшей 14 апрѣля 1682 г. Видное мѣсто занимаетъ здѣсь повѣствованіе о тѣхъ злоключеніяхъ, которыя выпали на долю д. Ѳеодора со стороны товарища его по заключенію, прот. Аввакума, изъ—за извѣстныхъ разногласій между ними о Св. Троицѣ. Главы IV (стр. 242—293) и V (стр. 294—399) посвящены подробному разсмотрѣнію полемическихъ трактатовъ дьякона Ѳеодора (преимущественно—противъ опредѣленій собора 1667 г.) и другихъ его сочиненій, написанныхъ въ пустозерской ссылкѣ. Это—тѣ произведенія, въ которыхъ знаменитый расколоучитель раскрываетъ свой взглядъ на переживаемое время и даетъ своимъ послѣдователямъ разъясненія по всѣмъ вопросамъ внутренней жизни старообрядческаго раскола, возникавшимъ въ первое время по отдѣленіи его отъ православной церкви. Содержаніемъ VI главы (стр. 400—417) является оцѣнка сочиненій д. Ѳеодора со стороны исторической достовѣрности сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній о книжно-обрядовыхъ исправленіяхъ п. Никона и другихъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ исторіей возникновенія раскола, а глава VII (стр. 418—425) даетъ общую характеристику названнаго расколоучителя, какъ бы объединяя результаты всего предыдущаго изслѣдованія.

Обильное содержаніемъ и заслуживающее въ общемъ по-

хвалы по приёмамъ его разработки, сочиненіе г. Смирнова не чуждо, однако, и нѣкоторыхъ недостатковъ. Авторъ не всегда умѣетъ воздержаться отъ излишнихъ для его цѣли подробностей и сохранить должную мѣру соотношенія между тѣмъ, что имѣетъ прямое или же только косвенное отношеніе къ предмету его изслѣдованія. Такъ, онъ долѣе, чѣмъ нужно, останавливается во „введеніи“ на исторіи книжно-обрядовыхъ исправленій патріарха Никона, въ гл. I—на ходѣ соборныхъ засѣданій 1666 и 1667 г. г. и т. п. Строгая и придирчивая критика можетъ отыскать кое-гдѣ поводъ къ упреку въ недостаточной широтѣ сравнительнаго изученія сочиненій д. Θεодора и другихъ современныхъ ему расколу-учителей, подмѣтитъ нѣсколько неточныхъ или не вполне удачныхъ выраженій, теряющихся, впрочемъ, въ общей стройности исполнѣ литературнаго изложенія. Находя, что указанные недостатки данной работы съ избыткомъ покрываются ея положительными качествами, признаю ее очень хорошей кандидатской диссертацией“.

38) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Смирнова Николая* на тему: „Исторія догматическаго ученія о таинствѣ крещенія въ первые вѣка христіанства“:

„Указавши во введеніи на отношеніе Іоаннова крещенія къ христіанскому, авторъ сочиненія начало христіанскаго крещенія относитъ ко дню сошествія Святаго Духа на апостоловъ (1—48). Изложивши въ первыхъ двухъ главахъ ученіе о крещеніи Священнаго Писанія Новаго Завѣта (49—110 стр.), въ третьей главѣ онъ излагаетъ, разъясняетъ и оцѣниваетъ ученіе о крещеніи Варнавы, Ерма, Іустина-Мученика, Иринея Ліонскаго, Климента Александрійскаго, Оригена, Тертулліана, Кипріяна и Ипполита Римскаго (111—332 стр.). Глава четвертая посвящена изслѣдованію ученія о крещеніи Святыхъ Отцовъ IV вѣка, а именно: Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Василия Великаго, Григорія Нисскаго и Григорія Богослова (333—456 стр.). На двадцати послѣднихъ страницахъ въ заключеніи вкратцѣ указаны существенныя черты ученія о крещеніи всѣхъ упомянутыхъ отцовъ и учителей церкви.“

Матеріаль изслѣдованъ достаточно полно и изложено сочиненіе просто и ясно. Авторъ его достоинъ степени кандидата“.

39) Ректора Академіи Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Соболева Всеволода* на тему: „Бесѣды св. Григорія Нисскаго“:

„Авторъ въ достаточной мѣрѣ потрудился надъ разработкой своей темы. Въ довольно обширномъ сочиненіи (423 стр.) онъ представилъ почти полный обзоръ проповѣднической дѣятельности св. Григорія Нисскаго. Читатель найдетъ въ его трудѣ біографическія свѣдѣнія, обзоръ проповѣдей, который онъ дѣлаетъ въ слѣдующихъ главахъ: „догматическія слова“, „экзегетическія проповѣди“, „нравоучительныя слова“, „похвальные слова“. Кромѣ того, читатель найдетъ въ этомъ сочиненіи характеристику міросозерцанія св. отца, какъ оно сложилось благодаря тѣмъ особенностямъ времени и литературнымъ и культурнымъ идеаламъ, среди какихъ приходилось жить св. Григорію. Сочиненіе свое авторъ заканчиваетъ рѣшеніемъ очень важнаго вопроса—вопроса объ отношеніи словъ св. Григорія къ античной риторикѣ. Въ этой главѣ авторъ старается стать на чисто научную почву и, стоя на ней, отвѣтитъ на вопросъ о вліяніи языческаго просвѣщенія на изучаемаго имъ св. отца.

Авторъ не работалъ по первоисточникамъ. Всюду онъ руководился источниками и по мѣстамъ далеко не первостепенной важности, какъ напр. Фарраръ, Фуллѣ даже и др. Цитаты беретъ изъ вторыхъ, третьихъ рукъ, нисколько не провѣряя ихъ. Не только иностранная обширнѣйшая литература по данному вопросу осталась имъ неиспользованной, но и отечественная даже. Небольшая нѣмецкая книжка Бауера объ отношеніи бесѣдъ св. Григорія къ античной риторикѣ, читанная авторомъ въ подлинникѣ, использована имъ лишь только отчасти. Между тѣмъ и книжкой нѣмца Бауера и существомъ дѣла намѣчались для автора болѣе широкіе научные горизонты. Нужно было сличить міросозерцаніе св. отца съ языческимъ міросозерцаніемъ и говорить объ этомъ не общими фразами и ссылками на свидѣтельство другихъ, а самостоятельно, властно и вполне научно. Внимательный и вполне научный анализъ твореній св. отца, филологическій и философско-историческій, открылъ бы предъ авторомъ всѣ тончайшіе слѣды внѣшнихъ непреерекаемыхъ вліяній на св. автора.

Требовать отъ автора выполненія въ теченіе года столь

широкой и столь серьезной задачи было бы, впрочемъ, едва ли справедливо. Поэтому и немощь автора въ данномъ отношеніи нужно ставить въ нѣкотораго рода даже заслугу автору: онъ сдѣлалъ все, что могъ. Хорошо и то, что отъ его вниманія не укрылась эта обширная область различныхъ экскурсовъ въ область вопросовъ объ отношеніи древняго христіанскаго образованія къ языческому. Что же касается анализа самихъ проповѣдей, то авторъ въ данномъ случаѣ стоитъ почти вполне на высотѣ своего положенія. Онъ старается не оставить ни одной яркой мысли св. отца неотмѣченной. Всюду старается по возможности установить внутреннюю связь между отдѣльными періодами его творческой дѣятельности. Нерѣдко у автора можно встрѣтить попытки, для выясненія извѣстныхъ мѣстъ, провѣрить русскій переводъ твореній св. отца подлинникомъ. Минь довольно часто цитируется имъ. Видно, что авторъ не мало потрудился въ теченіе учебнаго года надъ своею работою и не безъ пользы для себя потрудился.

За свой трудъ авторъ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

40) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Созонова Михаила* на тему: „Идея безсмертія, какъ предметъ умозрѣнія и какъ предметъ созерцанія“:

„Авторъ написалъ, хотя, къ сожалѣнію, и не вполне законченное (конецъ изложенъ конспективно), но все же очень хорошее сочиненіе, вполне заслуживающее присужденіе ему степени кандидата богословія.

Главное достоинство сочиненія заключается въ томъ, что, изучивъ весьма старательно обширный матеріалъ (литература подробно указана въ концѣ сочиненія), онъ далъ не простую внѣшнюю его сводку, съ болѣе или менѣе обширными извлеченіями, чѣмъ обыкновенно загромождаютъ свои первые ученые опыты студенты, но весьма толковую его *аналитику*, вслѣдствіе чего, прочитавъ сочиненіе, можно составить совершенно ясное понятіе объ отношеніи автора къ своей темѣ.

По существу, поскольку авторъ касается вѣры въ безсмертіе души, какъ предмета созерцанія, рецензенту спорить съ нимъ не приходится, но такъ какъ вполне возможно и—добавлю—весьма желательно, чтобы столь интересную тему